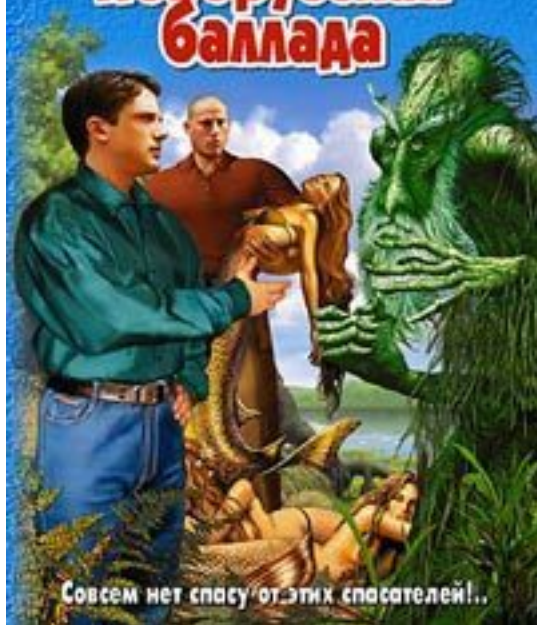

Михаил Высоцкий

Новорусская баллада

Совсем нет спасу от этих спасателей!..

Михаил Владимирович Высоцкий

Новорусская баллада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156682

*Новорусская баллада: АРМАДА: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.;
2007*

ISBN 5-93556-863-2

Аннотация

Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. Герои нашего времени отправляются спасать очередной мир от очередного Черного Мага, задумавшего самое черное из всех черных чародейств. По дороге их ждут, естественно, различные испытания, пройти которые им поможет верный друг и соратник – внедорожник отечественного производства «Вепрь», а также силы чистые, нечистые да чистые, но не очень. Ну и собственные мозги.

В главных ролях: Колян, Толян, Олег, Всемир, Любослав.

Также в книге писались: боги, джины, эльфы, гномы, водяные, лешие, а также специально приглашенные атланты-гипербореицы... И многие, многие другие.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

108

Михаил Высоцкий

Новорусская баллада

(на древнерусский мотив)

В качестве эпиграфа:

*«Настоящее добро всегда победит зло, а потом
поставит на колени и жестоко убьет».
Где-то услышано автором.*

Обычный летний день. Солнце, время от времени стыдливо прикрывающееся тучами. Легкий северный ветер. На одной из многочисленных магистралей, ведущих из Киева, голосовал самый обычный человек. Среднего роста, спортивного телосложения, с коротко подстриженными иссиня-черными волосами. Вот только подвозить его почему-то никто не хотел. Вроде бы и не бандит с виду, и улыбка располагающая, а вот не хотел его никто подвозить, и все тут. Все проскакивали мимо. Но человек терпеливо ждал, насвистывая что-то себе под нос.

Наконец рядом с ним остановилась машина, массивный внедорожник цвета хаки, с тонированными стеклами и номерным знаком «666 ХУ». Передняя дверь распахнулась, и изнутри раздался хриплый голос:

– Слышь, мужик, тебе куда?

– Вперед, – честно ответил черноволосый.

– Че, в натуре? И нам с Толяном тоже! Садись, вместе веселее!

Черноволосый без лишних колебаний залез в машину и комфортно устроился на заднем сиденье, не считая нужным выразить благодарность. Впрочем, на это не обратили внимание. На передних сиденьях внедорожника вольготно устроились два бритых шкафа-близнеца, увешанные золотыми цепями. Таким слова «пожалуйста» и «спасибо» знакомы разве что в теории, да и то, как некие отвлеченные понятия.

– Слышь, мужик, тебя как звать то? – повернувшись к пассажиру, поинтересовался шкаф, сидящий справа.

– Олег. Олег Горемыка, – представился черноволосый.

– А я Колян! А это, за рулем, мой кореш, Толян! Слышь, Толян, это Олег!

– Слышу, – отозвался Толян, обгоняя очередной Land Cruiser и прижимая к обочине уже десятую за последние пять минут легковушку, создавая этим «потенциально аварийную ситуацию».

– Слышь, Олег, а тебе вообще куда? – продолжал любопытствовать Колян.

– Вперед, – повторил Олег, для наглядности воспроизведя жест вождя мирового пролетариата.

– Обана! И нам вперед! А че там, впереди? Или ты просто из Киева валишь?

– Валю, – подтвердил черноволосый.

– А че? Менты задрали? Ты б тогда того, поосторожнее – мы-то пацаны конкретные, а не на тех нарвешься – как миленького заметут!

– Не, не менты, от жены решил немного отдохнуть.

– Правильный пацан! – отозвался Толян, в последний момент избежав столкновения с очередным КамАЗом. – Это по понятиям! Баб менять надо, а то достают!

– Точно, Толян! – согласился Колян. – Только ты, Олег, того, не трухай – чухи крутых любят! Им сразу надо в башку вбить, кто в доме хозяин!

– Не, моей не вобьешь, – горько вздохнул Олег, – она сама кому хочешь, что хочешь вгонит. Настоящая русская женщина!

– А как жену звать-то? – заинтересовался тут же Колян. – Я многих интересных баб знаю...

– Зинка ее звать. Зинаида Генриховна Лобная, можно просто – З. Лобная. Ведьма она.

– Не, о такой не слышал, – огорченно заметил шкаф. – Слышь, мужик, а ты вообще кем будешь? Ну, там, этот, что по клавишам стучает? Или с бумажками больше?

– Я вампир, – честно признался Олег.

– Вау! Че, в натуре вампир? – тут же обернулся Толян, едва не вывернув машину в кювет. – Настоящий?

– Ага, самый настоящий.

– Типа, как Дракула? – не унимался Толян, пока джип уверенно катил по встречной полосе.

– Не, Влад был простым высшим вампиром, светлая ему память. Света боялся, серебра. А я – верховный вампир.

– Круто! – отозвался Колян. – И че, кровь тоже пьешь?

– Под настроение, – пожал плечами Олег, – надоело уже. Это простые вампиры без человеческой крови прожить не могут, а мне она не особо нужна. Так, под настроение. Если хорошая компания, то почему бы и нет?

– Отпад! А в летучую мышь умеешь? – продолжал Колян.

– Умею, но практика нужна. Уже пару веков не превращался, мне человеком больше нравится быть. Да и ничего в этом интересного, чувствуешь себя, как вобла на сковородке.

– Ну, ты Олег даешь! Так чего жену свою не приструнил?

– Так я же говорю, ведьма она у меня. Верховная ведьма всех славян, между прочим. Как геморрой наколдует, так лечи его потом. Зинка у меня баба с характером.

– Ничего! – успокоил Колян. – Посидит одна, затоскует – сразу смирной станет! Все бабы такие, не могут они без мужика прожить!

– Это точно, – подтвердил Олег, задумавшись о чем-то своем, – а вы с Толяном кем будете?

– Мы эти, ну... – Колян замычал, пытаясь что-то изобразить в воздухе своими мясистыми пальцами, но так ничего и не вышло. – Слышь, Толян, кем мы будем?

– Финансовые аналитики, – показывая в открытое окно посту милиции свой средний палец, прокомментировал Толян.

– Точно! И эти, генеральные директора! А еще эти, блин, неприличные, члены наблюдательного совета!

– Круто, – согласился Олег.

– Не говори! Но мы с Толяном еще ничего, вот кореш наш, Вован – вот он крут! У него... ща скажу... финансово-промышленная группа! Он типа крутой чел, а натуре! Мы с Толяном еще в первый раз сидели, а он уже в законе был!

– Круто, – не стал спорить Олег.

– В натуре круто! Это, кстати, его тачка! Мы с Толяном покататься взяли! О, слышь, Олег, поехали с нами! Ты реальный пацан, будем вместе козлов стрелять!

– Поехали, – согласился Олег. – Кстати, за нами милиция гонится.

– В натуре? – обернулся не имеющий представление о том, зачем нужно зеркало заднего вида, Толян. – В натуре! Ну, достали, менты поганые! Держитесь!

Совершив разворот, все-таки вызвавший аварию, на три часа парализовавшую движение в этом направлении, джип пробил дорожное ограждение и, выламывая на ходу кустарник, устремился куда-то в лес. Милицейские машины попробовали было повторить данный маневр, но очень быстро заглохли – внедорожник «Вепрь», производства ХТЗ, Харьковского Тракторного, обладает превосходными ходовыми качествами, и догнать его на пересеченной местности не каждому дано. Индивидуальный, как-никак, заказ, танк на колесах.

А пока милиция пыталась хоть как-то организовать движение на трассе, ведомая умелой рукой водителя без прав Толяна, выламывая молодые деревца и чудом огибая старые, машина заезжала все дальше в лесную чащобу. Пока не заехала.

– Круто, Толян! – восхищенно выразил свои эмоции Колян.

– В натуре, круто, – согласился Олег, задумчиво оглядываясь по сторонам, на сплошную стену деревьев, между которыми не каждый мотоцикл проедет.

– Как я ментов... – радостно высказал Толян все, что он думает по поводу представителей правоохранительных органов, и демонстрируя свой богатейший запас ненормативной лексики. – ...их мать!

– А дальше мы поедем? – подождав, пока Толян закончит, поинтересовался Олег.

– Поедем, мужик, поедем! Слышь, Толян, в натуре поехали, а то че мы тут, как последние лохи, среди леса стоим?

– Поехали! – отозвался Толян, вдавив газ на полную и руля в сторону ближайшей сосны.

Олег внимательно вглядывался, ожидая того момента, когда же, наконец, машина врежется в дерево, но так и не дождался. Каким-то чудом приземистый внедорожник проехал между двумя соснами, оказавшись в самой настоящей роще древних мэллорнов. Факт, достойный удивления – Олег даже брови нахмурил, но, обдумав ситуацию, решил пока не гово-

ритель, что растущих вокруг деревьев на земле никогда не существовало. Также он не считал особо важным акцентировать внимание своих новых приятелей на многочисленных попугайчиках, порхающих в ветвях, на мудрого удава, обвинившего вокруг старого пня, на любопытного единорога, с интересом несколько минут сопровождавшего машину параллельным курсом. Реакция была бы прогнозируемой.

– Стой, Толян! – внезапно закричал Колян. – Тормози! Там конь рогатый! Ща подстрелю!

К счастью для единорога, он вовремя насытил свое любопытство и ускакал прежде, чем до него успели добраться неугомонные охотники. Так что им ничего не оставалось, как ехать дальше.

– Хорошее ружье, – заметил Олег. – Трехлинейка Мосина?

– Че? – удивленно нахмурился Колян, – не, мужик, ты что-то путаешь – это Вована ружбайка! Не, ну я не знаю, может раньше и Мосина была, но ты лучше того, при Воване не заикайся о таком. Он реальный пацан, за мокруху срок отсидел, я не знаю, жив ли там твой Мосин, но с Вованом лучше не связываться!

– Мосин умер, – вздохнул Олег, – давно уже.

– Ну, так я и говорю! Вована ружбайка! Хошь пострелять? – предложил Колян пассажиру не снятую с предохранителя винтовку.

– Не, спасибо, я из таких еще в первую мировую настро-

лялся. Хорошее оружие. Надежное.

– Вован фуффло не держит! – с гордостью похвастался вкусом своего кореша Колян.

Разговор плавно сошел на нет. Олег, убедившись, что ни один мобильный телефон, включая спутниковый, не работает, отключил их, чтоб не тратить зря аккумуляторы. Не работал, естественно, и карманный компьютер с внешним модулем GPS – специальная военная разработка, способен ловить спутники в любых метеоусловиях, и даже при наличии многократно отраженного сигнала, определяя координаты с точностью до одного метра. Не работал встроенный в часы компас, находясь в свободном вращении, а судя по показаниям хронометра, стоящее в зените солнце должно было быть где-то возле горизонта. По мнению Олега – сущие мелочи, которыми не стоит беспокоить ранимое сознание его попутчиков. Ведь бандиты – они почти как дети.

Лес постепенно стал редеть, и машина, запас горючего, которой плавно двигался к красной отметке, выехала, наконец, в чисто поле. Настоящее среднерусское поле, золотая пшеница в рост человека колосится, качается на ветру. Колоски один в один, пышные, ровные, любому фермеру отрада. Да вот только чего-то фермеров не видно с комбайнами – одни бабы с серпами пашут, поясницу согнув, да старичок, седой, взлохмаченный, навстречу бежит, руками машет. Кричит что-то своим писклявым голосом, и улыбается до ушей – как будто это не нувориши на джипе прикатали, а сами ан-

гелы с небес спустились, урожай убрать.

– Свершилосяши! Благодарствую богам, свершилосяши! – вопил дед, бросаясь внедорожнику наперерез.

Толян, уж каким бы он не был, давить деда не рискнул – притормозил, высунул в окно свою широкую физиономию, поинтересовался:

– Старик, ... мать, ты какого тебя в ... Жить надоело? А ну проваливай!

– Благодарствую, славен багатур, благодарствую! – вместо того, чтоб свалить, старик упал перед капотом машины на колени и принялся поклоны земные бить, бормоча по ходу дела нечто невразумительное.

– Совсем папаша тронулся! – прокомментировал Колян. – Слышь, Толян – ты грех на душу не бери, тачка Вована, капот нам потом отмывать! Ща покумекаем с ним по-пацански! Слышь, Олег, ты тут шибко умный, шариишь, че папаша хочет?

– Минутку... – прислушался Олег, – все понятно. Он благодарит всех богов за то, что они послали ему таких славных богатырей, это вас, богатырей, благодарит за то, что они согласились помочь, и всех вместе благодарит за то, что все будет хорошо. Что-то вроде этого.

– Слышь, Толян, а папаша правильный! – тут же воспрянул духом Колян.

– Чего? – никак не мог въехать Толян.

– Ну, типа что мы конкретные пацаны! Как там, богатыри!

Шарит, папаша! Ничего, папаша! – выбравшись из машины, обрадовал старика Колян. – Ща мы тебе поможем! Тебе че, бабло надо? Или морду кому набить? Это мы всегда! Мы с Толяном реальные пацаны! Да, Толян?

– Морду набить? – моментально заинтересовался Толян.

Но старик, презрительно отмахнувшись от протянутой пачки баксов, тысяч этак на пять, не стал просить кому-то набивать морду, а продолжал лепетать нечто свое, подпрыгивая от радости и лучась нехарактерной для пожилого возраста энергией.

– Яко хлебосольными гости званные гостиши! – завывал он, – Столы у теремов накрытыши, меды налитяши, миром багатурей славить суть!

– Олег, че он лапочит? – не мог никак вникнуть Колян, пока Толян искал, кому же все-таки бить морду.

– Если я не ошибаюсь, он приглашает нас к себе, говорит, что уже стол накрыли, и только нас и ждут.

На это предложение оба «богатыря» отозвались моментально, причем хором:

– Хавчик?

– Жрачка?

– Это мы завсегда! А ну, папаша, полезай в машину, будешь дорогу показывать! – предложил Колян, а чтоб не было лишних терзаний и раздумий, ухватил старика, дай бог два пуда веса в тщедушном теле наберется, под локоток и просто-напросто втолкнул к Олегу на заднее сиденье. Тот и

опомниться не успел.

Хоть и с трудом, но седовласый все же понял, что от него хотят, с горем пополам объяснив, как до его деревни добраться. А заодно и представился:

– Любослав Жаровник, волхвом зватися.

– Че? – не понял Колян.

– Волхв, это колдун по-нашему, – пояснил Олег, не высказав особого удивления столь странной профессии старика. – Волшебник.

– А, это типа палкой махать... – неопределенно высказал свое отношение к волшебству Толян, моментально потерявший дальнейший интерес к разговору. Колян со своим приятелем, большим экспертом по вампирам и волшебникам, только молчаливо согласился.

Тем временем машина на месте не стояла, а по ухабистым дорогам да бездорожью до цели доехала. Этакого древнерусского села – избы рубленые, колодцы с журавлями, разве что церквушки с крестом не хватало, зато целое капище идолов в наличие имелось. Ну и народ подстать – дети голые, бабы да мужики замызганные. Ни асфальта тебе, ни проводов, зато кони пасутся да собаки брешут. Абсолютно безвременная картина – такую, с вариациями, и у древних трипольцев можно было наблюдать, и в двадцать первом веке.

Ну и, по всем правилам, на центральную площадь выехали. Такие тоже всегда были, нужно же где-то народу собраться, беды свои обговорить. Обмозговать, обдумать – потом и

стали такие площади думскими называть.

Но сейчас на площади столы стояли. Уже накрытые. Видать, действительно ждали гостей – и кабанчики запеченные в наличии имелись, и каравай свежий, и кувшины, явно не с родниковой водицей.

– Просяши до стола, гости дорогие! – крикнул вдогонку «богатырям» Любослав – те и без его подсказок догадались, что тут к чему.

За ними и Олег последовал. Раз уж угощают – грех отказываться, даже если ты вампир. Да и приготовлено все с душой, видно, что хотели гостям приятное сделать.

А пока Колян с Толяном кабана вдвоем до костей обгладывали, медом хмельным запивая, стал и народ постепенно собираться. Облетела, видать, народная молва, и стар и млад, пожаловали на богатырей пришедших посмотреть. Причем уважительно, народ местный невысок, худощав, а тут два двухметровых дуба, не во всякую дверь влезут, золотом увешаны – сразу видно, знатные воины! Олегу тоже немало лестных слов доставалось, хоть на богатыря он не особо смахивал, и вел себя не по-богатырски. То есть не хватал руками все подряд, не заталкивал в рот, чтоб жир по подбородку тек, не вытирал лицо блинами с маслом, а ел ложкой да ножом, да и не ел – а так, клевал, как воробушек. Несерьезный богатырь.

Когда же кабанчик был съеден, а вино выпито, и о делах богатырских надо было бы поговорить, оказалось, что два

старших богатыря уже и не в состоянии. Они как обнялись, как начали петь народную песню про Марусю («раз пошли на дело, выпить захотелось...»), так и не до разговоров стало. А вот «младший богатур», как Олега народ окрестил, был трезв, ну и согласился с радостью байки Любослава послушать.

Только народ к представлению приготовился, а не тут-то было. Расталкивая всех и вся, к месту событий добрался их новый участник – еще один богатырь, только на этот раз настоящий, былинный. Приземист, крепок, в плечах широк, кольчугой укутан, коня богатырского под уздцы ведет, а на том – целый арсенал! И меч тебе, и лук, и булава, и просто дубина, и даже копье со знаменем имеется, да не блестящее все, новое, а в зарубках. Сразу видно, что не один бой прошло, а не просто над камином висело. «Всемир, Всемир!» – раздавались отовсюду восхищенные голоса, но богатырю было не до этого. Оперативно оценив обстановку, он под одну руку Олега ухватил, под другую – Любослава, и потащил в ближайший терем. Где, захлопнув за собой дверь и убедившись, что они одни и услышать никто не может, вежливо так, у Любослава спросил:

– Ты что опять творишь, морда волховская? Ты кого в дела наши впутываешь, колдун юродивый? Опять шутки свои шутить вздумал? – убедившись, что седой волхв осознал свою вину, забился в угол и в дальнейшем разговоре участвовать не собирается, богатырь повернулся к Олегу и совер-

шенно другим, вежливым, тоном продолжил. – Извини, мил человек, ты по сторонам не смотри, не дивись, это все Любослава шуточки. Ты забудь лучше все, что видел тут, переночуй, а с утраца я тебя с приятелями домой выведу, а то ты дорог местных не знаешь...

– Да ничего страшного, – отмахнулся Олег, – мне наоборот, тут нравится. Воспоминания, так сказать, о молодости. Вы ведь улички будете?

– Улички? – настороженно спросил богатырь. – Не, мил человек, ты что-то путаешь, мы простые люди, живем себе потихоньку. В стольном Киеве позабыли о нас, а мы живем, как деды-прадеды завещали.

– Ну да, конечно, – согласился Олег, – и у волхва на шее не рог единорога висит, и у тебя не драконьей чешуей кольчуга покрыта. Показалось, наверно.

– Ты, мил человек, – задумавшись, ответил Всемир, – знаешь, что знать тебе не положено... Кем будешь ты?

– Олег. Олег Горемыка.

– Олег, стало быть... Редкое имя. Княжеское. Людям простым не пристало такие имена давать... Меня Всемир Древошит кличут, а этого недостойного – Любослав Жаровник, ты не держи зла на него, он по жизни ударенный.

– Мы уже знакомы.

– Ладно, Олег, если хочешь – расскажу тебе нашу историю. Только сначала слова страшные приготовься услышать. Ты не дома у себя. Не в своем мире, это наш мир, вы его еще

параллельным кличите.

– Я знаю, – отмахнулся Олег, – ты лучше на такие мелочи не отвлекайся, а по делу говори. Что там за беда у вас?

– Стало быть, мелочи? – удивился Всемир. – Станный ты человек, Олег Горемыка. Ну, да будь по-твоему. Мы, уличи, древний народ, некогда с вами в одном мире жили, но когда пришел час судьбу свою выбирать, наш Великий Князь Камнеполк повел...

– Слушай, Древощит, ты мне мозги не парь, – оборвал богатыря Олег. – Я эту историю получше тебя знаю, как вы между хазарами-иудеями да славянами-христианами мотались, пока ваш трусливый Камнеполк Косолапый не нашел дыру между мирами, да не увел за собой. И никакой он не князь был, а грязь деревенская, сын холопский. Так что лучше переходи на дела нынешние, а то я сам тебе таких историй порассказываю, что до конца жизни лапшу с ушей снимать будешь!

– Кто ты, Олег Горемыка? – спустя примерно три минуты смог выдать из себя Всемир.

– Конь в пальто. Ты и дальше будешь из себя дурачка строить, или может все же перейдем к сути вопроса?

– Быть по сему! – решил Древощит. – В мире этом...

Дальнейшую историю излагать в исполнении Всемира смысла не имеет. Сплошной пафос и патетика, изредка разбавленные зернами истины, лучше уж их сразу отделить от плевел, и выдать на-гора готовый результат. Тогда вся исто-

рия сократится в несколько десятков раз и, в кратком изложении, будет выглядеть примерно следующим образом.

Некогда племя уличей попало в другой мир, который, как ни странно, оказался тоже заселенным. Так что им пришлось сражаться за место под местным солнцем, но уличи – это не изнеженные кельты или дикие сарматы, это настоящие славяне, так что им не привыкать. Постепенно оттеснив все эндемические виды, они, незаметно для самих себя, заняли тут господствующее положение, захватив все земли от и до. Причем даже друг с другом не передрались, так, несколько междоусобиц да гражданских войн, любимая забава всех славян. В конце концов, все наладилось, избрали себе общего князя, восседающего в Китеж-граде, как столицу свою обозвали, и зажили себе припеваючи.

И вдруг, откуда ни возьмись темные силы пожаловали. Из каждого закутка, заразы, полезли, эльфы с гномами, да прочими тварями неразумными, о себе напомнили, да так, что вся дружина княжеская полегла – один наследник спасся. Ну и началась куча-мала, пришлось отступать, так что от бывшего Китежградского княжества сейчас дай бог треть осталась, да и ту со всех сторон нечестивцы покусывают.

Но это еще ничего. Нынешние князья – не чета тем, старым, и дружины уже не те, за себя постоять умеют. Да и не нужно, как оказалось, столько уличам земли – им бы эту осилить было бы в радость, да силенок пока не хватает. Научились уже и с нечистой бороться, и силы темные в три шеи

гнать, уже о том, чтоб бывшее величие вернуть, начали задумываться, и тут на тебе! Новая беда приключилась – Черный Маг на голову свалился, да не простой, а на весь мир озлобленный. «Потому что у него бабы нет», – как в народе поговаривали. И вздумал этот Черный Маг не просто гадость совершить, а Большую Гадость – открыть врата в потусторонний мир, и выпустить оттуда на свободу полчища демонов, которые только и ждут удобного момента, чтоб с людьми разделаться.

Все эти сведения пришли из самых надежных рук – волхвам да кудесникам боги по секрету поведали! Мол, «мы вас предупредили, а дальше вы уж как-нибудь сами» – причем даже карту дали, с точным местом, где ворота в мир демонов открывать будут. Разве что со временем помочь не смогли – «очень скоро», ну и разбирайся как знаешь. Правильные боги, «чисто конкретные», как сказал бы Толян или Колян. Ну и пошли чередой герои мир спасать...

Как пошли, так не вернулись – ум никогда не был особо сильной стороной геройской натуры, так что это даже к лучшему. Остались только самые умные и хитрые герои, типа того же Древошита, которые в пасть к дракону лезть не спешили, а выжидали удобного случая. Ну и волхвы старались всю – кто у богов волшебное оружие выпросит, кто живую воду, а один особо наглый, Любославом Жаровником кличут, все никак не унимался – просил богов, чтоб ему из другого мира «настоящий богатырь!» был прислан. Допросился

– достал он, видать, Перуна и компанию, прислали ему на помощь богатыря, да не одного, а целых трех...

На этом, собственно говоря, история и кончается.

– Значит, надо пробраться по землям темных сил в логово Черного Мага и закрыть ворота в мир демонов? – подытожил Олег, – И все? Жаль. Я думал, интереснее будет. Ладно, собирайтесь – кореша мои протрезвеют, и поедем.

– Ты разве не боишься смерти, Олег? – непонимающе спросил Всемир. – Нас на пути ждет гибель верная...

– Да, – немного подумав, подтвердил Олег, – Ты прав. Вас на пути действительно может смерть поджидать. Так что ты лучше сразу надевай белые тапочки и начинай молиться, а я спать пошел.

Подытожив тем самым разговор, Олег действительно пошел спать, не сильно интересуясь, чью именно кровать он занимает. Впрочем, деревенский староста, в чьем доме и происходил последний разговор, по этому поводу особо не опечалился – была у него на примете одна молодка, которая пожалела, приютила, не смогла обездоленному, из дома выгнанному, отказать...

Коротка летняя ночь. Только солнце-Даждьбог за горизонт закатилось, а уже и вставать пора, петухи кличут. Коров доить, пшеницу косить, а то не успеешь – придет осень, принесет воду небесную, да побьет урожай работникам нерадивым. Пусто в деревне, лишь старики да дети малые, что только кур гонять и могут.

Олег долго спать не любил. Вернее он-то, как вампир, вообще мог не спать месяцами. Мог, но не хотел – ночь, это темных сил время, упырей да вурдалаков, Олегу с ними скучно было, он людей предпочитал, вот и выработал привычку дрыхнуть по ночам. Но уже с первыми петухами проснулся. Внизу его уже Любослав поджидал, старик, кажись, вообще спать не ложился, внимательно внедорожник рассматривая.

– Славен железный конь богатурский! – бормотал себе под нос волхв, – славен, славен...

– Славен, – подтвердил Олег превосходные ходовые качества «Вепря», шедевра украинского машиностроения, деньги за который Харьковский Тракторный пол года пропивал, пропить не мог.

– О, велик богатур, яко почивать изволили? – только сейчас заметив Олега, подобострастно поинтересовался Любослав.

– Отлично почивал, – честно признался вампир. – Ты, волхв, говорят, с богами местными общаешься? Кто сейчас из них главный?

– Сварожич-Палящий, доблестен богатур, да славен он вовеки миром суть!

– Сварожич? – Олег удивленно покачал головой. – Надо же! А Перун со Свантовитом? Впрочем, ничего удивительного, в тихом омуте черти водятся, тихий, тихий, а батино место занял!¹ Ладно, волхв – коня железного видишь? Твоя

¹ Имеется в виду место Сварога – Единого Бога Вселенной, бога-кузнеца со-

задача – делай, что хочешь, но чтоб твой Сварожич дизелем нас обеспечил? Задачу понял? Приступай!

Радостно кивая, Любослав вприпрыжку бросился к местным идолам молиться. При этом его совершенно не смутило, что про загадочный «дизель» ему еще не приходилось слышать – богатырю виднее, раз сказал к богам обратиться, значит к ним и обратимся.

– Утро доброе, Олег! – поздоровался подошедший Всемир.

– Прекрасное утро! – согласился вампир. – Как раз подходящее для того, чтоб какого-нибудь черного властелина свергнуть? Ну, Всемир, говори – где твой Черный Маг засел? Говори, говори, эти, – кивок в сторону храпящих под столом Коляна и Толяна, – все равно с географией не сильно дружат, а мне интересно, куда ты нас тащить собираешься.

– Да будет так, Олег, – кивнул Древошит, после чего достал из-за пазухи кусок хорошо выделанной кожи, на котором было изображено нечто, отдаленно напоминающее карту. – Вот он, наш мир. Сие есть Китежградское княжество, отсель досель, сие есть княжий Китеж-град, где князь-батьюшка суд мудрый судит, сие река великая да могучая, Дной-

здавшего мир. Согласно одной из версий, покидая небесный трон, он завещал его своим сынам – Сварожичу-Палящему и Дажьбогу-Щедрому, однако они не сумели удержать власть, которая досталась в свою очередь Свантовиту-Сильному и Перуну-Громовержцу. [Тихонова Л.П. Славянская мифология. М., 1998.] Однако, видимо, за прошедшие века в пантеоне произошли изменения, раз у власти оказался Сварожич.

рой прозвана. Сие наше селение, Лесное, ибо у самого леса стоит, а отсель, Олег, земли нечисти начинаются. И идут они до края земли, куда нам путь держать предстоит. На дикий запад, за Лес-Лиховище, где лешие путников водят, за руку Дансу, что Днойре правым притоком приходится, где водяные да русалки воду мутят. За Драконий Хребет, где во мраке подгорном тьма засела, а на склонах Властители Зла, змии крылатые правят. За темные земли, где люди живут, что тьме отдались, да душу свою запродали за силу великую, колдовскую. За Вечный Лес, где в самые холодные зимы лето стоит, а волшбу творят нечестивцы, эльфами прозванные. За Альвийскую Степь, где альвы заправляют, кощеи проклятые, что ни старости, ни смерти не ведают. На край мира, где горы стоят, вечным снегом покрытые – там проклятый Черный Маг зло свое творит, врата в мир демонской отворяет, не на жизнь, а на смерть нам всем!

– Интересно получается! – хмыкнул Олег. – И что, никакого другого пути нет? Чтоб не через леса и горы? И чего бы туда не героям, а князю вашему самолично наведаться?

– Нету, Олег, – горько вздохнул Древошит, – знал маг проклятый, где твердыню свою строить. Не добратся туда дружине княжеской, Владимир Пресветлый, князь наш, батюшка, мудр, не пойдет он туда, ибо нет у него наследника, дабы трон Китежградский занять, случись что с ним!

– Значит, трусит. Понятно, – кивнул сам себе Олег, – ладно, с этим разобрались, теперь с машиной... О, а вот и наш

Любослав! Ну как? Договорился?

– Велик богатур, славен Сварожич-Палящий весть молвил – отныне и присно железный конь богатурский усталости не ведать суть, ибо яко водицу хмель медовый да пшонный пить суть! – седой как лунь взлажмоченный старик, подпрыгивая от радости, завопил своим писклявым голосом на всю деревню.

– Молодец, Сварожич! – похвалил Олег, – Переделать дизель на спиртовой двигатель, да чтоб не на чистом спирте, а на неочищенном работал, при малом градусе – такое не всякому автомеханику по силам, что уж о богах говорить! Если он по пути еще и глохнуть не будет, совсем зауважаю. Всемир, у вас тут самогону найдется? А то ехать далеко, где мы его посреди леса достанем?

– Найдется! – ухмыльнулся Древощит. – Этого добра у наших людей всегда в достатке!

– Ну и славно! Тогда иди, собери все, что есть, да волхва с собой забери, он мне глаза мозолит. А как соберешь, как наши герои, – кивок в сторону по-прежнему храпящих шкафов, – проснутся, так сразу в путь отправимся!

– Да будет так! – поклонился Олегу Всемир, ухватил за шкуру Жаровника да пошел по селу, самогон да прочий хмель конфисковывать.

А пока богатырь меда собирал (а меда хорошие – градусов 40%-50%, такую брагу из благородного продукта только уличи и умели гнать, народный, так сказать, промысел),

Олег, развалившись под раскидистой осиной, принялся, пожевывая стебелек, созерцать бесконечность, решая вечный вопрос о смысле жизни. Вопрос отнюдь не риторический – если смысл жизни простого человека прожить положенные 70-90 лет, наслаждаясь жизнью, да родить детей, которые бы род продолжили, то для вампиров, а особенно верховных, срок существования которых в принципе ничем, кроме собственной глупости, не ограничен, поиск смысла жизни имеет прямой практический интерес. И Олег уже почти получил ответ, когда от размышлений его отвлек басовитый голос.

– Какая его ..., тебя в ... мать! – заявил, сладко потягиваясь, Толян.

– Да, хорошо жить в деревне, – согласился с ним Олег, – так сказать, на природе!

– В натуре! – подтвердил Колян. – Мы как-то с друзьями одним лохам стрелку забили, ну приехали, постреляли козлов, а потом гля – красотища-то какая! Помнишь, Колян? Ну, когда тебе голову насквозь прошили?

– Конкретно! – на физиономии Толяна выступила радостная улыбка сладких воспоминаний. – Слышь, вампир! А эти гопники че хотят?

«Этими гопниками» были богатырь Всемир Древощит и волхв Любослав Жаровник собственной персоной, застывшие по стойке смирно, созерцая, как два «богатыря» с усердием истинных бабуинов вычесывают из шерсти на груди остатки вчерашнего обеда. Как они туда попали – для всех

так и осталось загадкой, решить которую, увы, даже местные боги, наверно, не в силах.

– Ах да, позвольте представить. Колян, Толян – вы хотели козлов стрелять? Ну так вот, это Всемир и Любослав, они нам предложили устроить туристическое сафари по глухим местам с правом отстреливать всех козлов, которые по пути попадутся. Всемир, Любослав – это Колян и Толян, богатыри и герои, которые поведут нашего железного коня и возьмут на себя все тяготы дальнего странствия.

– Сафари? – попробовал на вкус незнакомое слово Колян. – Это круто! А че, в натуре всех? Всех-всех?

– Всех, – подтвердил Олег, – это специальный местный охотничий заповедник, тут козлов для отстрела разводят.

– Отпад! – согласился с корешом Толян. – А сколько мы им бабла забашлять должны?

– Это подарок от фирмы, – объяснил Олег, – мы у них юбилейные посетители, потому для нас разработали специальный, особый маршрут. Карта у меня уже есть, так что как будете готовы – выезжаем. Ах да... Тут у них с дизелем небольшие проблемы, но мы уже договорились с местным механиком, теперь ваш «Вепрь» на самогоне ездить будет, – пока Колян и Толян обрабатывали в голове эту новость, неспешно вращая шестеренками, Олег обратился к Всемиру. – Ну что? Набрали, что я просил?

– Набрали, Олег, – кивнул богатырь и выкатил вперед два боченка, каждый литров на двести, а то и все двести пятьде-

сят. – Это медовый хмель, – объяснил Древощит, указывая на первый бочонок, – а это из пшена...

– Че? Водяру в бак заливать? – наконец-то дошло до Коляна, и, не вынеся такого святотатства, бритый шкаф набросился с кулаками на самого Всемира. Богатырю не помогли ни латные доспехи, ни опыт сотен сражений. Колян одним ударом унизированными перстнями пальцами, сжатыми в два пудовых кулака, отправил Всемира в нокдаун, после чего, прижав к себе оба боченка, как любимую девушку прижимают, громогласно заявил. – Убью!

Впрочем, с ситуацией разобрались. С горем пополам Олегу удалось убедить Коляна с Толяном (тот думал немного медленнее, потому и уступил корешу право защищать запасы спирта), что браги этой сивушной хватит на всю честную компанию, и если все же частью не пожертвовать на машину, то и долгожданное сафари не состоится. Как корешам было ни прискорбно, они признали, что козлов им пострелять все же хочется несколько больше, чем просто напиться («это мы с дружбанами и так можем»). Так что, дождавшись местного мастера, сумевшего врезать в бочки краник со шлангом, добрая сотня литров медовухи была залита в пустой бак внедорожника. Толян по такому поводу даже пустил скупую мужскую слезу...

Но и на этом приготовления не закончились.

– Слышь, братаны, хавчика бы с собой прихватить! – уже почти перед самым отъездом вспомнил Колян, и пригото-

ления начались по-новому.

Внедорожник «Вепрь», производства Харьковского Тракторного, индивидуальный заказ, оформленный по блату и прошедший вне официальных бумаг, представлял из себя воистину чудо украинского автомобилестроения. Созданный как противовес американскому Хаммеру, он унаследовал лучшее не только от советского танкостроения, а и от западных высоких технологий. Оснащенный по последнему слову техники, покрытый броней и с пуленепробиваемыми стеклами, с гидроизоляцией и возможностями амфибии, безразмерным багажником и кучей секретных отделений, где можно было скрыть как партию наркотиков, так и ПЗРК² «Игла». Автомобилисты знают, что даже в багажник крошечного горбатого или копейки можно запихнуть многое, что уж говорить о таком голиафе...

До вечера местный люд скреб по сусекам, снаряжая богатырский отряд в дорогу. Были срочно заколоты парочку кабанчиков, целое стадо гусей, выпечены огромные караваи, не говоря уж о десятках кадушек с маринованными и солеными огурцами – без закуси два бритых богатыря отправляться на сафари категорически отказались. Когда же багажник был забит, выяснилось, что о том, где хранить бочки с брагой, никто (кроме Олега) не подумал, но выгружать что-либо Толян категорически отказался, а Колян, проявив несвойственную

² Переносной Зенитно-Ракетный Комплекс

для него изобретательность, предложил привязать бочки на крышу машины, что и было незамедлительно сделано.

Но и на этом приготовления не закончились, потому как Любослав со Всемиром заупрямились.

– Не положено в дальний путь идти, благословения богов не попросив! – завил Древощит, и пришлось всей честной богатырской компании отправляться к окраине деревни, где на небольшом холме было устроено языческое капище.

Идолов был полный комплект. Все боги, от Сварожича-Палящего, верховного бога, бога силы и чести, и до мелких родовых богов, которым, наверняка, за пределами Лесного и не поклонялся никто. А затем началось само вымаливание благословения...

– Слышь, Олег, – дергая за рукав вампира басистым шепотом спросил Колян, – а че он делает? В натуре, нафига чурбаны деревянные медом мазать?

– Это он крышует, – объяснил Олег, – шишек местных просит, чтоб мы козлов, а не козлы нас постреляли!

– А, конкретные пацаны... – согласился Толян, – Мы тоже, когда стрелку забиваем, ментов подмазываем!

– Слышь, Олег, – продолжал допытываться Колян, – а гусю он нафига башку свернул?

– Колян, ты не въезжаешь! – не успел Олег рот открыть, как Толян и сам все успешно своему корешу объяснил, – Ты вспомни, когда мы на днепропетровских наезжали, че ментярам сделали? В ресторан их затащили, Вован еще речь тол-

кал, а мы все утку с ананасами жрали!

– А, так у этих утки с ананасами нет, вот они гусю шею свернули! Отпад! Это типа, ща, народные традиции, да, Олег? Факлер!

– Типа того, – не стал спорить вампир.

Это действительно была народная традиция. Дажьбогу-щедрому уста медом помазать, дабы путь легким оказался. Триглаву чумному жертву принести, дабы тварной кровью он упился, а людскую не трогал в дальнем странствии. А Велесу-Хранителю, что у самого Перуна в свите приближенным ходит, слово мудрое молвить, дабы он, коли что, заступился. Великим богам, Сварожичу, Перуну и Свантовиту, ничего не полагалось – им потом, если успешным поход будет, жертвы принесут, у великих не пристало милости просить. Великие сильных любят, сильному они и сами помогут, а слабого и мольбы не спасут. Были и такие, которым вовсе не пристало мольбу воздавать – Мать-Сыра-Земля, что женой Ярило приходится, прошлое и будущее ведает. Попросишь у нее заступничества – и поможет, упокоит в себе навеки, похоронит в своей груди широкой. Стрибог морозный, что ветрам дедом приходится, слов чужих не слышит, его, как Триглава, жертвой не умилоstitивить, хмур серый, да чем другим горя больше – тем ему больше радости, такого бога лучше стороной обойти, недаром ему на всех идолах глаза закрывают. Леля и Лада, дочь и мать, не мужские боги – за продолжения рода отвечают, не получить от них в пути по-

мощи, они допреж других богов были, но сейчас ушло их время, лишь повитухи да роженицы перед родами им и молятся.

И это лишь малая часть пантеона – а ритуал надо было со всеми богами провести. Любослав писклявый так и носился от одного долбленного идола к другому, кого кровью окропив, кого медом, кому колосок уложив, кого обмыв водичей, а кого и водой живой, хмельной. Кому слово молвив, или жест, кому глаза закрыв, а кому и уши... Впрочем, жреца никто не торопил. Всемир вместе с ним молился, Толян с Коляном за аутентичным фольклорным представлением наблюдали, на такую экзотику любые туристы всегда как пчелы на мед летят, а Олег стоял задумчиво, молодость, небось, вспоминал...

Когда Жаровник закончил, солнце уже почти село, а луна, полная, наоборот, над горизонтом поднялась – сейчас бы на ночлег устроиться, а с утраца в путь, но богатырям не занимать доблести молодецкой! Только Всемир с коня своего боевого сгрузил боекомплект (Олег его уговорил, объяснив, что живой конь за железным все равно не угонится, правда из всего оружия пришлось один меч оставить), на заднее сиденье запихнув, только Олег с Любославом по обе стороны богатыря устроились (ширина машины и не такое позволяла), как Толян занял водительское место и дал по газам...

Минуты через две его удалось уговорить подождать, пока и Колян займет свое место.

Еще через пять минут удалось уговорить включить фары, потому как лунного света явно не хватало.

Минут через пятнадцать, с огромным трудом, но Олегу удалось донести до водителя мысль, что ехать надо в противоположную сторону, и, еще раз промчавшись по перепуганной деревне, где люди праздновали избавление от богатырей, «Вепрь» вломился в лес. Пока еще простой, пусть даже с единорогами, удавами и попугаями, но скоро привычные дубы и ясени стали сменятся соснами, среди которых владеющий ночным зрением Олег замечал то пней лохматых, что по своим делам ползли куда-то, то стволы голые, ветвями кровь пьющие.

– Лес-Лиховище! – сообщил неизвестно кому Всемир. – Тут Леший всем заправляет, да мавки, жены его, свита, что из утопленниц людских будет! А коли встретят путника – закружат, зачаруют, да в чашобы дремучие утащат, где и сгинет он навек!

– Местный авторитет – Леший, – синхронно переводил Олег своим бритоголовым приятелям. – Его бабы – мавки, мужиков разводят, на счетчик ставят, да так, что еще никто расплатиться не смог.

– Ты, мужик, не трухай! – заверил Колян Всемира. – Нас и не такие разводили, не развели! Мы сами кого хочешь на счетчик поставим!

– Сии доблестные господа, – продолжал переводить Олег, – уверяют, что мавки их не закружат, да и сами они

любого лешего зачаруют.

Древошит, хоть и не кудесник, но имеющий от природы малый дар к волшебю, внимательно осмотрел ауры Коляна с Толяном, и только причмокнул. Понять, что там, было выше его возможностей, но уж зачаровать, да кого-кого, а самого Лешего, им явно не по силам! Впрочем, богатырь лишь горько вздохнул – странные пришельцы из странного мира (куда он сам, Древошит, как-то раз попал случайно, да где прожил в лесах под Киевом пару месяцев, пока дорогу назад не нашел), казалось, не боялись вообще ничего – ни Лешего, ни гнева богов, ни мавок страшных. А уж их не менее странный главарь, что княжим именем Олег назвался...

Олег Горемыка, древний вампир, что людские мысли читал как открытую книгу, ухмыльнулся. Поход против повелителя мрака, владыки демонов и просто нехорошей редиски по кличке Черный Маг обещал выдаться забавным... «По крайней мере, будет, что Зинке Лобной, яге моей драгоценной, ведьме зеленоглазой рассказать – мол, я, дорогая, не тебя бросил, я мир параллельный спасал»...

Когда же машина заехала в самую глушь, где нога человека доньше вряд ли ступала, где темные силы себя как дома чувствуют, Толян скомандовал привал:

– Все, мужики, ...ли! Вываливаем, и спать, ... мать!

– Темное здесь место! Чую, не оставит нас Леший в покое... Быть может, не станем коня железного покидать, хоть какая защита... – попытался было возразить Всемир.

Но бесполезно. Колян с Толяном, видать, не первый раз было ночевать на природе, у них в безразмерном багажнике и спальные мешки нашлись, и угли для костра, и даже шампуры, на которых немедля были зажарены несколько гусей. Возражение Всемира (мол, нехорошо в лесу, где лютые волки размером с доброго теленка стаями бродят, среди ночи гусей жарить) были проигнорированы, так что богатырю ничего не оставалось, кроме как присоединиться к трапезе. Когда же устраивались спать, к удивлению Древошита Олег тоже предпочел свежий ночной воздух затхлой атмосфере машины, так что внутри «Вепря» только волхв с богатырем и устроились, комфортно заняв передние и задние сиденья соответственно. Угли были затушены, воцарилась кромешная тьма, и лишь храп доблестных богатырей раздавался в диком лесу...

Но недаром этот лес Лиховищем звался. Волки да пни бродячие – не самые страшные его обитатели, и как только Олег сладким вампирьим сном забылся – так на прогалину новый герой высочил. Ростом невелик, взрослому мужику по пояс будет, с густой порослью на голове да ивовыми ветками вместо бороды, сам в кору древесную укутан, Леший собственной персоной на гостей своих незваных смотреть пожаловал. А за ним и свита его, девицы, одна другой краше, с кожей белой, как мел. Мавки, утопленницы, жены Лешего. Это только в сказках утопленницы русалками оборачиваются, да на дно речное путников зазывают, на деле же Водяной

утопленниц не любил, на берег их выбрасывал, а Леший, его старый приятель, их себе забирал. Для своих целей.

– Ну что, женушки-красавицы, закружим добрых молодцов? – поинтересовался старичок.

– Закружим, закружим! – радостно подтвердили мавки, и действительно закружили.

Да вот только не просты, добры молодцы, оказались. Не, те двое, что за хладным железом спрятались, как раз ничего – Леший немало таких на своем веку повидал, волхв да богатырь, немало таких в чащах лесных сгинуло, спящими их мавки закружат, да никакие гробы железные не спасут. Сами наружу вылезут, и не проснутся даже, мавки во сне видения сладкие насылают, к себе манят, люди и идут, куда не ведая. А вот остальные...

– Нельзя мне, Зинка у меня, не простит такого! – не просыпаясь, бормотал среднего роста коротко подстриженный человек. – Говорю же, красавица, женат я – Зинка моя, Лобная, ведьма, она учует! И не проси, красавица, и ты, красавица, не проси, вы хороши, спору нет, но Зинка моя, Лобная, отсюда меня достанет! Не могу я, красавицы, простите, но не могу, нет, нет, и не просите даже...

Не лучше и с другими двумя, настоящими богатырями, дело обстояло. И кружили возле них мавки, и сны насылали, один другого слаще, и звали за собой, манили сладкими голосами. Ни один мужик, если мужик он, от такого не откажется, а этим хоть бы хны. Дрыхнут себе, и в ус не дуют.

Только переговариваются с собой, прямо во сне:

– Слышь, Толян, а та, рыжая, вроде ничего танцует!

– Не, Колян, у Вована в клубе она бы через день вылетела, нам такие скромницы не нужны...

– Точно, Толян! А эта че, в натуре, слышь, она так танец живота танцует!

– Да где живот – мясо одно, за такой возьмешься – уто-нишь! А у этой, кожа да кости! У Вована таким нечего де-лать.

– В натуре, Толян! А это разве клубничка? Вон на этой, курпур... карпар...

– Корпоративной вечеринке, ... мать! – помог другу То-лян.

– Точно, на этой самой, корпоративной, то клубничка бы-ла! А это...

– ...! – кратко, но емко выразил свое мнение Толян.

– В натуре! – подтвердил Колян, и, повернувшись на дру-гой бок, захрапел дальше.

Ничего не могли мавки сделать. Три богатыря, что на воз-духе спали, не пускались с ними в пляс, а те два, что в гробе железным, и пошли бы, да выбраться из гроба не сумели. Би-лись в стекло, бились – а не выпускал их гроб (естественно – откуда Всемиру с Любославом знать, что такое сигнализа-ция, автоматическая блокировка замков и как с ней бороть-ся, особенно если их сознание во сне, а тело само по себе действует). Разгневался тогда Леший:

– Брысь! – прикрикнул он на мавок, да так, что те мигом исчезли.

Походил владыка лесной вокруг путников, побродил, задумался...

– Значит, добры молодцы, мавок моих не возжелали? Так чтоб вы знали! Быть по сему! Блуждать отныне вам по лесу моему! Вовеки веков, ответ мой таков!

Сказал, и вот в руке его уже из пустоты посох возник, ну не посох, а так коряга обычная. Да как ударил этой корягой об землю – весь лес содрогнулся, деревья корни свои из земли вырвали, да перебежали на другое место, а вокруг путников начал туман колдовской клубиться. Улыбнулся Леший, довольный, давно он уже такую волшеббу не творил, да прыжками, что заяц позавидует, прочь с поляны бросился, одни пятки сверкают. Олег его только одним глазом проводил, кончиками губ ухмыльнулся, да дальше уснул, сладко, как только младенцы да вампиры и умеют.

Утром просыпались как обычно. Жаровник, еще до рассвета обязательные мольбы богам воздавал, Олег, хоть и необычный вампир, а дрыхнуть не любил, Всемир, на то и богатырь, чтобы держать себя в форме и разминаться по утрам. Ну а когда завтрак подоспел, тут уж и Колян с Толяном проснуться изволили.

– Это что за ..., ... мать? – недоуменно поинтересовался Толян, принюхиваясь к витающим ароматам.

– В натуре? – согласился со своим другом Колян.

– По идее это должна быть древнерусская ржаная каша, – задумчиво пробормотал Олег, всматриваясь в котелок, в котором Любослав помешивал нечто большим деревянным половником.

– Каша ржаная суть снедь богатурская! – радостно подтвердил волхв, – Истина сила Мать-Сырой-Земли!

Однако по данному вопросу к консенсусу прийти не удалось. Вован с Толяном были уверены, что «снедь богатурская» должна быть преимущественно мясной, так что ржаную постную кашу, без масла и соли, пришлось Всемиру с Любославом вдвоем уплетать. Даже Олег предпочел присоединиться к своим бритоголовым приятелям, доедая остатки вчерашних гусей. А после завтрака довольный Колян сообщил:

– Слышь, мужики, мне такой сон приснился – прикиньте, будто сплю я на ночной поляне, а вокруг бабы голые танцуют...

Как оказалось, такой сон не только Коляну, а и всем остальным приснился. Причем, судя по впечатлениям, «бабы» были те же самые.

– Мавки лесные! – вынес свой вердикт Всемир, – Закружить нас пытались! Диву даюсь, славные воины, как выдюжали вы, не пошли в пляс, не бросились за ними...

– Мужик, ты че? – непонимающе уставился на Древощита Колян. – С дубу двинулся? Я тебе не интеллигент, чтоб за бабами бегать! Век воли не видать! Иж, чего захотел! Сами

пусть они за мной бегают! Толян, дело говорю?

– Чисто конкретно! – поддержал кореша Толян, всем своим видом показывая, что такие, как он, за бабами не бегают.

– Ох, чую, быть беде... – не унимался Всемир. – Не оставит нас в покое Леший, закрутит, что все тропы в кольцо совьются! Не прощает он тех, кто его женами побрезговал, в пляс с ними не пустился...

– Поживем – увидим, – только и ответил Олег, а остальные вообще слова Древощита проигнорировали.

Колян с Толяном – это понятно, они у самого Вована не в шестерках ходили, что им местный авторитет полудикий. Разве что бурчали, что пока ни одного козла не попало, но Олег их успокоил, мол, все еще впереди. А Любослав вообще почти все время пребывал в какой-то прострации. Доселе ничем не примечательный деревенский волхв, к которому на старости лет боги не только обратиться соизволили, а и богатырей иноземных прислали, никак не мог выйти из состояния общей эйфории. Собственно говоря, его только поэтому и удалось в машину засунуть и с собой увезти – сам Жаровник никогда, ни в какие странствия пускаться не собирался, но Олег сказал «ты с нами тоже едешь, пригодишься, если что», и он поехал.

Наконец где-то к полудню герои отправились дальше.

– Слышь, Толян! – минут через двадцать обратился к своему корешу Колян.

– Ну? – отозвался тот.

– Дай порулить!

Толян задумался. Осознать глубину его мыслительных процессов не дано ни простым смертным, ни бессмертным богам, но не успело сердце сделать и двух сотен ударов, как он ответил.

– Рули, ... мать!

Бритоголовые поменялись местами, Колян занял водительское место и стал рулить...

– Да, а я думал, Толян плохо водит... – тихо, чтобы его никто не услышал, прокомментировал данный процесс Олег.

Нет, не то, что Колян не умел управлять машиной. Умел. Знал, зачем машине педали (кроме тормоза), передачи умел переключать, руль крутить... Только вот с ориентированием у него были небольшие проблемы. Если Толян еще пытался объезжать иные кусты и хоть примерно держать направление на запад, то Колян в самом прямом смысле рулил, кайфуя от самого процесса руления. При этом движения «Вепря» больше всего напоминало хаотические метания броуновской частицы, и только чудом внедорожник еще ни разу не врезался ни в одно дерево, которые как будто бы сами отпрыгивали с пути. Впрочем, Олега все это, похоже, лишь забавляло – он даже не пытался указать Коляну верное направление, лишь время от времени с ухмылкой выглядывая то в одно, то в другое окно.

А тем временем...

Не первый год, не первый век Лес-Лиховище страшил лю-

дей. Даже во времена величия Китежградского княжества, когда вся ведомая ойкумена славянам-уличам покорялась, редко какой путник рисковал забредать сюда, а если и заносила нелегкая – то лишь берегами колдовскими увешавшись. Тут сам Бабай Ага, татарин одноглазый, которого из чужого мира занесло, на все княжество страх нагоняя, прижиться не смог. Сам Кощей, земля ему пухом, из Леса-Лиховища бежал, что одни пятки сверкали. Это была земля Лешего. Здесь он был и царь, и бог, и господин. Все знал, все ведал, мог пеньком прикинуться, мог великаном, а мог и целой дубравой непролазной, что ни один топор не возьмет. Велика колдовская сила Лешего, лучшие девки в женах его, мавках, ходили. Сами эльфы, колдуны и чародеи, из Вечного Леса, что на западе, поклоны Лешему били, ибо за ним вся сила лесная стояла, вся волшба чародейская. Любого путника Леший мог с пути сбить, закружить, да на веки вечные в самой чащобе оставить, куда ни зверь, ни птица носу не сует.

Так было до сих пор. Однако сейчас даже он был бессилен. А ведь как сначала все шло хорошо... Гроб железный, что людей в себя засосал, на запад ехал, а Леший его на юг сворачивал, и на восток, и на север, и совсем уж было кольцо замкнул, как вышли из гроба богатыри, местами поменялись... И пошло-поехало! Сколько ни тужился хозяин лесной, ничего у него не выходило! Как с пути путника сбить, который сам пути не знает? Как закружить, если он только что в одну сторону ехал, и уже назад поворачивает? Бесился Леший,

крутил, вертел, на лбу деревянном морщины глубокие про-
резались, по всему телу сок березовый в три ручья тек, а не
выходило ничего! Гроб железный хуже зверя бешенного, не
водился, из кольца вырывался, из спирали, что в болото вела,
выскакивал, паутину чародейскую рвал. Ничего не мог он с
ним поделать, все, что ему оставалось – деревья, слуг своих,
из-под гроба вырывать, а то железяка так и норвила побег
молодые, что Леший своими руками сажал да растил, в зем-
лю вдавить. Гневался Леший, никогда еще так его людишки
не проводили, излучения его ярости по всему лесу разлета-
лись. Бежали в страхе звери и птицы лесные, да лишь бога-
тырям, в гробу засевшим, ничего не делалось. По прежнему
петляли они столь невообразимо, что ни одно сбивающее с
пути заклятье не действовало, они только на тех действуют,
кто хоть какого-то пути придерживается.

И не выдержал Леший.

– Не бывать тому, чтоб в лесу моему, Лесу-Лиховище, где
ветер свищет, люди взяли верх надо мной, подарю я им веч-
ный покой! – рыкнул он грозно, что могучие сосны по всему
лесу зашатались, с вековых дубов все желуди осыпались, а
иные деревья, и названий в человеческих языках не имею-
щие, вовсе с корнем повырывало.

Перестал Леший водить – бросился гробу железному на-
перерез, да принял свой самый страшный облик, в единый
миг в густой терновый бор превратившись, буреломы непро-
лазные, шипы ядовитые торчат повсюду, что ни конному, ни

пешему, ни в гробу железном не пробиться. Да не простой бор – а волшебный, его топором рубить-неперерубить, одну ветку срубишь, другая вырастет! Окружил гроб со всех сторон, да притаился, во всей красе себя показав, и ждать приготовился, пока богатыри или сами на его шипы ядовитые полезут, или сгинут прямо тут, с голоду...

– Слышь, Колян, ... мать! Ты куда завез? – тем временем поинтересовался Толян. – Как выруливать будем?

– В натуре? – задумался Колян.

– Ты своей черепушкой пораскинь, ... ее в ...! – наставлял своего приятеля Толян. – Я тебе об эти ... шипы тачку Вована не дам царапать!

– Это не простые шипы! – раздался с заднего сиденья голос Всемира, – Я волшбу чую – это Леший сюда нас завел! Никогда нам отсюда не выбраться! Леший могуч, не страшны ему ни топоры дровосеков...

– Какого лешего! – не стал прислушиваться к пессимистическим настроениям своего спутника Колян, и, выбравшись из машины, принялся выискивать что-то в безразмерном багажнике. – Ну, где же, где... Слышь, Толян, ты не помнишь, мы, когда с озера вернулись, где с Вованом его депутатский мандат отмывали, куда эту штуку засунули, которая... Нашел!

И действительно – нашел! Атрибут лесозаготовщиков, с подачи создателей одной компьютерной игры прославившийся как оружие. Бензопила «Тайга-245» – это даже не гно-

мий топор, девять кило чистого веса, три киловатта мощности, антивибрационная система – такого местные лешие, увы, предусмотреть никак не могли... А уж когда Колян взялся за работу... Не успел он и на пол метра прорезаться вглубь окруживших «Вепрь» зарослей, как над лесом пронесся вой лютый, аки зверь раненый. А уже через миг заросли исчезли, как будто и не бывало их никогда. Колян только и стоял, глазами недоуменно моргая. Впрочем, обдумывать поведение местных кустов явно не входило в его планы, так что, забросив бензопилу в багажник, богатырь залез обратно в машину. На этот раз уже на пассажирское кресло – руль Толян вернул себе, и выпускать больше не собирался.

– Вот так вот наши богатыри с лешими обходятся, – заметил Всемиру Олег.

Если перед Коляном лес петлял, то перед Толяном дорога, казалось, сама открывается, деревья в стороны отпрыгивают, кусты пугливо к земле прижимаются. Как будто это не страшный Лес-Лиховище, что добрый человек десятой дорогой обойдет, а охотничий бор у самого Китеж-града, где, как известно, деревья по линейке сажают, «дабы князь али дружина княжеская зверя гонячи преград не ведала». Или вообще парк какой, где старательные лесники дороги прорубили, чтоб путники не заплутали часом. Причем не простые стези лесные, а волшебные – куда не ехал Толян, туда и тропа сворачивала...

– Так мы до Дансы-реки за день доберемся! – диву давался

Всемир.

— А ты что, думал, мы на год собрались? — хмыкнул Олег. — За недельку, я думаю, с Черным Магом твоим и управимся...

Так и ехали. Толян да Колян, богатыри иноземные немногословные, Олег, вампир великий, Всемир, местный герой, да Любослав, постепенно начинающий приходить в себя и ошалело смотрящий в окно. «Что я тут делаю?» — думал он, — «Не волховское это дело, мир спасти! Для этого богатыри придуманы! И куда меня на старости лет понесло? Сварожич-Палящий, дай мне силы путь одолеть, Перун-Громовержец, дай смелости до конца дойти, Свантовит-Сильный, укажи стезю истину»... Дальше Олег его мысли уже не читал, так как ничего интересного там, кроме мольбы всем местным богам, все равно не наблюдалось.

А пока Леший, бедняга, трудился, не покладая рук, путь гробу железному освобождая, дабы тот убрался поскорей и лес не каламутил, решили наши герои, что скучно ехать в тишине. Ну и договорились, что будут друг друга по очереди развлекать, о жизни своей и не только рассказывая.

— ...а когда мы с Толяном вышли, — говорил Колян, — Вован нас в свою бригаду устроил! Ну, мы шухера тогда навели... Крышей у нас Монгол был, полный отморозок, любил в бетон заливать. Так Вован с понятиями оказался, собрал брусков всех, как мы, и конкретно говорит — пацаны, Монгол обарзел, валить будем. А чтоб тихари не завелись, круговую подпишем! Ну, мы с Толяном, что к чему сразу поня-

ли, Монгол, он вообще не в понятиях был, а Вован крут. Он, когда Монгола завалили, не мы, его собственные шестеры, крышевать не стал, а это, как его... лигале... леголе...

– Легализировался, ...! – подсказал приятелю Толян.

– Точно! Легализировался, мы в натуре легальными стали, а потом Вован с другими скорешился, решили, значит, конкретно порядок навести! Нам с Толяном тогда такие бабки предлагали, чтоб мы конкретно Вована кинули – но мы корешей не кидаем! Слышь, Толян?

– В натуре! – подтвердил тот.

– Ну и, значит, когда Вован...

И Всемир Древощит о жизни своей рассказывал.

– ...и пошел я с княжей дружиной на юг, где Днойра-река Великая, мать всех рек, в бескрайние воды Окияна впадает. Нелюдь там лютовала, нечисть бесчинствовала, бежали люди в Китеж-град, челом поклоны князю били, «спаси, князь-батюшка», молили. Запустенье на те земли сытные пришло, что все княжество хлебом ржаным кормили, и шли мы во исполнение княжей воли порядок наводить. Сам воевода, Храбр Турыч, что князю самому с малых лет как батюшка родной, нас в поход сей вел. А как дошли мы до порогов, что при впадении Дансы в Днойру стоят, вышла против нас нечисть в чисто поле, и была их тьма тьмушая. Никогда до той поры не случалось, чтоб нелюдь дружину в открытом бою встречала, хмурятся витязи седовласые, беду чуют. Вышел тогда вперед Храбр Турыч, и молвил: «Волей

княжеской мы пришли, волей княжеской и вертаться будем! Китеж-град за нами, ужель нечестивцев испугаемся, что на землю нашу незваными пожаловали!» Воспрянули мы, ведь действительно – наша земля, кто, как не мы, насмерть за нее стоять будет? Клином построились, щиты опустили, копья выставили, готовы врагов любых встречать. Славная бы битва была – немало бы славы великие богатыри добыли, хоть и полегло бы немало. Но не сложилось в тот раз. Вышел из нелюди один – ликом человек, да мы чуем – вурдалак вурдалаком, что волком али медведем перекидывается, скот да людей рвет. Вышел, и речь держал. Да не оправдывался за бесчинства причиненные, не обещал жизнью своей зло все искупить, а хотел с князем самим говорить, о мире договариваться. Мы на копья его уже наколоть хотели, да не дал воевода, Храбр Турыч. Велел тут намертво стоять, а сам с вурдалаком да дружиной своей в Китеж-град отправился, ко двору князю. Ну а мы стоим, ждем, и нечисть тоже ждет, не бесчинствует. Там у них все были – и домовые с дворовыми одичавшие, и вурдалаки с оборотнями, и перевертыши, что любым оборотиться может, лишь волховский взгляд и отличит. Стоим мы, стоим, а там слово за слово, да с нелюдью ближе сошлись, разговорились – не из-за злобы своей бесчинствовали они, нужда великая из краев своих согнала, в наши земли привела. Они и сами не рады, немало полевых крестьяне на вилы накололи, серпом порубали, да идти больше некуда, вот и послали к князю гонца, дабы разрешил

князь-батюшка в землях княжеских оселиться, за что службу нести клялись, не на живот, а на смерть! Наш князь мудр оказался, когда вернулся воевода, со словом княжеским...

Ну и Олег, конечно, тоже не отставал – о своем житье-бытье рассказывал.

– ...так мы с Зинкой и познакомились. Я ведь сразу почувал – ведьма, люблю я таких, бой-баба! Она такая, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет! Но сначала отношения не сильно складывались. Я к ней от всей души, а она меня Плетью Нергала оглушить пытается, да невидимость кастует! Давно я так не зажигал, со времен Салтычихи, та все пыталась меня ритуалами кровавыми отвадить, ну так я такое люблю! Что за женщина, которую покорять не нужно? Олег я, Горемыка, или кто? Так и Зинка Лобная – все проклятья на голову насылала, шарами огненными кидалась, шпагой своей, рубиновой, рубила. Дозорные, из Ночного, когда Зинка со мной отношения выясняла, в другом конце города сидели, носа не показывали! Говорят, в это время в Африке некоторые племена северное сияние видели, а я все равно не сдавался! Каждую полночь у окна стою, в каждой руке по две черных розы, серенады вою, и улыбаюсь, как только мы умеем! Ну какая женщина устоит? Вот и Зинка не устояла. «Ты чего от меня хочешь, вампир проклятый?» – спросила, ну я и ответил, чин чином, «жениться хочу!». Она чуть в обморок не упала – еще бы, стоит возле окна шестнадцатого этажа вампир, две черные розы протягивает, руку и

сердце предлагает. Покричала для принципа, мол, «ты что, душегубец, всю кровь мою выпить хочешь?», да оттаяла. В церкви мы не расписывались, это мне что крест, что звезда пятиконечная, а у ведьм к церковникам старая нелюбовь, со средних веков пошла. Ну так сейчас нравы простые, гражданским браком жили, девяносто шестой год на дворе, ей тогда только восемнадцать стукнуло. В самом соку. А потом пошло-поехало, Зинка у меня сначала в девяносто девятом на конvente ведьмовском профессиональной ведьмой была избрана, а через четыре года вообще верховной ведьмой всех славян, так что у нас в семье теперь двое верховных. А цветы те Зинка так и не выбросила – заклятье наложила, так до сих пор две черных розы в гостиной стоят, две в спальне...

Только Любослав все молчал. Не потому, что рассказать нечего – как раз тут Жаровник мог любому фору дать, больше чем он мало кто в целом мире историй про жизнь богов знает, да все никак осмелиться не мог, богатырей отвлечь. Ведь те не просто истории рассказывали – мудростью житейской делились, что только и поможет в пути до цели добраться, врагов лютых одолеть. По крайней мере, волхв был в этом уверен.

А тем временем «Вепрь» мчался вперед, верста за верстой минуя Лес-Лиховище. Вот уже и деревья-вампиры позади остались, вот просвет появляется, вместо елей да сосен березы, сердцу милые, дубы могучие, грабы да клены, тис да ясень, рябина да калина. Кончился Лес-Лиховище, Леше-

го лютого вотчина, начался обычный подлесок, где путников мавки не затанцуют, гоблин древесный³ не закрутит. А скоро и вовсе деревья кончились, и открылась нашим героям величественная картина Дансы-реки.

– Ни ... себе! – восхищенно пробормотал Толян.

– В натуре отпад! – согласился с другом Колян.

И даже Олег вынужден был признать:

– Да, красивые у вас тут места встречаются...

Красивые – не то слово! Мечта любого пейзажиста, тут тебе и небо голубой лазури, и могучие горы с заснеженными вершинами, и яркое летнее солнце. Ну и уж, конечно, река, могучая, редкая птица перелетит, перед ней широкий луг цветами переливается, бабочки порхают; за ней крутой зеленый склон, ивы плакучие в воду погрузились. А к самой реке кто только на водопой не пожаловал – и косули тут, и олени, и лосей семейство, кабаны похрюкивают, птицы с опереньем всех цветов радуги весело щебечут, лягушки квакают. Пастораль, одним слово, красота, и, кажется, что вечно можно наблюдать эту прекрасную картину...

– Слышь, только не вспугни! – предупредил приятеля Колян.

– Сам не вспугни, ... мать! – огрызнулся тот, беря на прицел матерого кабана. – Такого с одного выстрела не уложишь

³ wood-goblin [en], древесный гоблин, так нашего лешего англичане да американцы зовут

– добивать придется, ...!

– Олег, отпадное сафари! – еще раз поблагодарил вампира Колян, целясь в могучего оленя.

– Стреляем на счет три! – скомандовал Толян. – Раз...

Шкафы-богатыри бритоголовые иногда умели действовать с потрясающей согласованностью, понимая друг друга с полувзгляда. Стоило машине выехать к реке, как они за миг выскочили наружу, приняв боевую готовность к стрельбе лежа. Даже вампир, с его-то сверхчеловеческой реакцией, созерцая пейзажи, упустил тот миг, как в руках его приятелей появилось оружие – классическая трехлинейка Мосина у Коляна и новомодная финская SSG-96 у Толяна, и где они их все это время прятали... Пару мгновений – и, обменявшись парочкой слов и междометий, шкафы выбрали себе по цели, да не стали сразу палить, чтоб друг другу дичь не вспугнуть, а подождали, и, по счету три...

Залпы грянули одновременно, и в тот же миг обалдевшие звериные стада рванули прочь. Однако доблестным охотником это не могло помешать – единожды выбрав себе цель, они ее не упускали даже в таком мельтешении голов. Видно, сказывался немалый опыт подобного рода мероприятий. И добились своего – когда через минуту берег реки опустел, начисто вытоптанный бежавшими в панике животными, на берегу остались ровно две туши – хряка да оленя.

– Слышь, Толян, ну скажи отпад! – попросил Колян.

– Отпад! Нажремся! – согласился его друг, и оба охотни-

ка, выудив неизвестно откуда огромные тесаки, отправились к своим охотничьим трофеям.

Олег последовал за ними, но не сразу. Для начала надо было еще Всемиру объяснить, что это такое особое оружие, после чего убедить Любослава, что Колян с Толяном – не земные ипостаси Перуна-Громовержца, перед ними не стоит падать на колени, и уж тем более их «чародейскому» оружию, «убивающему громом», не стоит молиться, мазать ствол кровью, спусковой крючок медом, затвору жертвы приносить. Впрочем, в увещевания Олега Жаровник так до конца и не поверил, для вида согласившись, но мысленно дрожа от страха перед «сыновьями Перуна», как он сам для себя Коляна с Толяном обозвал.

Когда же троица добралась до охотников, те уже закончили отделять головы трофеев от туловищ («че, круто? Вовану подарю – он такое любит на стенки депутатской приемной вешать!»), и приступили к разделке туш – не пропадать же добру! Олег, хоть и вампир, в крови руки марать не любил, потому принимать участие в процессе отказался, а Всемир, сам опытный охотник, взялся помочь... На Любослава все уже давно махнули рукой – тот уже расставлял в сторонке дорожный набор идолов, приступив к своим жреческим обязанностям:

– Да прибудет славен Белбог-Добрый⁴, свет денный, кров

⁴ Белбог среди прочего помогает заблудившимся путешественникам найти дорогу из леса – за это его Любослав и благодарит...

наш небесный, да долги годы его, да велики деяния его, да вечна слава его да почет, да цвет белый благо неши. Деяния его яко нить путеводна, что во тьме лесной на волю вести...

В отличие от охотничьих, особыми кулинарными талантами никто из честной компании не обладал. Шедевром Олега был винегрет, приготовленный самолично жене на день рожденья, Коляна (хоть он в этом никогда и никому не признавался) однажды мама заставила самого борщ сварить, Толян (и это тоже секрет) умел делать котлеты по-киевски, Всемир хорошо умел уху варить, Любослав больше по постным кашам специализировался. Увы, секретами мариновки или копчения мяса никто не владел, да и ингредиентов необходимых под рукой не было, так что ограничились тем, что прямо на огне хорошо зажарили самые мягкие куски дичи. Впрочем, и это, сугубо мужское блюдо, не всякая женщина добровольно согласится съесть то, что в результате получилось, пришлось богатырям по вкусу – еще бы, ведь сами, как-никак, добыли...

Естественно, что реку штурмовать в тот же день не стали. Во-первых, уже стоял вечер, во-вторых, на сытый желудок куда ехать не хочется, ну а в-третьих, у Коляна с Толяном появилась некая идея, которую они сумели даже от умеющего читать чужие мысли Олега скрыть. Пошептались друг с другом, и пошли спать – а ведь только солнце зашло! Впрочем, Олег лишь махнул на них рукой, не маленькие, пусть

сами со своими проблемами разбираются. И, под храп спящих сном невинных младенцев богатырей, слушал рассказ Всемира о речке Дансе.

– Река Данса широка, а Днойра шире, река Днойра глубока, а Данса глубже. Испокон веков ходили по Днойре ладьи княжеские, испокон веков шалил в Дансе Водяной, царь речной, что всеми глубинами ведаёт, что в самом глубоком омуте живет, и оттуда царством своим правит. Кто к нему с дарами щедрыми придет, того пропустит, а кто без спроса по его реке плавать вздумает – вмиг на самое дно затащит, где русалки, слуги его, шалить будут, а потом на берег выкинут, неживого, зверям на поживу. Могуч Водяной, он и человека на дно затащит, и ладью княжескую, ничего ему не помеха, но уж если удалось его смилостивить, удобрить властителя омутов да водоворотов, сам через реку перетащит, на своей спине. Суров Водяной, да справедлив – слово свое держит, это не леший дикий, это истинный владыка, с которым и самому князю не зазорно дело иметь...

– Так что, Всемир, хочешь сказать, договариваться с Водяным будем?

– Должны, Олег, – пожал Древошит плечами. – Ваш железный конь, конечно, могуч, спору нет, верю, что и плавать он умеет, да не потерпит Водяной, если мы без спроса реку его переплывать будем.

– И совсем ничего нельзя поделатъ? – с ухмылкой спросил Олег.

– Ничего. Только договориться. Да и нам не впервой – с их племенем у людей старая дружба, водяные нам и помогали не раз, полезет нечисть черная через реку – а Водяной на них своих коней водных найдет, всех потопит. Просят они много – что да, то да, ой немало и золота, и девиц в пучине речной сгинуло...

– Девиц? Ты же говорил, что девицы водяным не нужны, у них своих русалок хватает?

– Хватает-то хватает, – на этот раз пришла очередь хмыкать Всемиру, – да нрав у них знаешь какой! Им самим-то ничего не надо, ни золото, ни камни, ни девицы, да уж очень любят, когда им дары приносят. А ведь не обманешь – вовек не забудут, ни тебе, ни детям, ни внукам твоим через текущую воду хода не будет, на мосту достанут и утопят! Магия у них есть своя, речная – вот и прыгали красны девицы из Китеж-града в пучину, лишь бы Водяной врагов поворотил!

– Гады, – согласился Олег, – кровососы, вампиры, – добавил он, – и что, ты думаешь, у нас тоже что-то такое требуют?

– Потребуют, как же не потребовать... И ничего с ними не сделаешь – не поторгуешься, упрется иной водяной, и не пустит, пока то, что потребовал, не отдашь. Дашь золото – запрячут в песок донный, да и забудут, а девицу так вообще выбросят, разве что русалки-модницы ей поиграют немного... Ну да не волнуйся – у нас много чего есть интересного, Водяному предложить...

– А я и не волнуюсь, – пожал плечами Олег, – мне уже заранее его жалко...

– Жалко? – не понял Всемир.

– Жалко, – подтвердил вампир, – ты на этих двух, богатырей, посмотри. И скажи мне после этого – такие торговаться будут? У них вся торговля – в морду кулаком...

– Нельзя так с водяными, нельзя! – запричитал Древошит, но Олег лишь махнул рукой.

– Если очень хочется, то можно. Да и вообще засиделся я тут с тобой, спать пора, все равно утро вечера мудренее... – сообщил он, залезая в спальный мешок.

– Воистину так! – подтвердил Всемир, устраиваясь прямо на траве.

Все заснули, и лишь Любослав Жаровник молил всех богов, по очереди и одновременно, причем обо всем сразу и ни о чем конкретно. Когда же боги, которым самим надоело пол ночи выслушивать эти мольбы, уже были готовы волхва непутевого молнией сразить, Любослав тоже спать завалился.

Настала ночь.

Близились утро.

Сон вампира чуток. Высший вампир способен сквозь сон услышать топот лап идущего на цыпочках муравья, не говоря уже о шуме ветра или шелесте травы. Вампир способен проснуться от скрипа мыслей в голове героя, пришедшего нанизывать кровососа на кол, на вампиров не действуют

снотворные, их невозможно усыпить паралитическими газами. Однако даже Олег Горемыка, верховный вампир, самый древний и могучий представитель этого рода, не проснулся, когда рано утром, а вернее еще поздно ночью, Колян и Толян, бесшумно, общаясь одними лишь знаками, направились куда-то прочь...

Проснулся Олег несколько позже, за доли секунды сбросив с себя остатки сна и оглядываясь по сторонам. Примерно то же самое проделали и Всемир с Любославом, еще бы, не каждое утро им приходилось просыпаться под грохот взрывов, сотрясающих землю.

– О, милости просяши велик Сварожич-Палящий, коли воля на то, да благо неши... – моментально принялся бить поклоны идолам Любослав, решивший, что настал конец света и боги вот-вот спустятся с небес на землю по его душу.

– Что это, Олег? – спросил не столь религиозный Всемир.

– Это? – Олег задумался. – Еще не знаю, но что бы это ни было – это наши богатыри устроили... А знаешь, мне самому интересно – пошли, посмотрим, только тихо, не вспугни их, а то кто знает, что у них еще на уме...

И, оставив Любослава дальше молиться, черноволосый вампир и витязь в полном боевом снаряжении стали пробираться сквозь кусты к тому месту, откуда раздавались взрывы. Канонада скоро прекратилась, однако вместо этого стали слышны звуки громкого спора.

– Толян, да я тебе говорю, это баба!

– Какая ... баба, ...! Рыба это, Колян, рыба!

– Слышь, Толян, я че, рыбы в жизни не видел? Баба это, в натуральном виде баба! Смотри, все при ней, и у этой тоже!

– Колян, ты башкой пораскинь, откуда у бабы хвост с плавниками? Рыба это! Ща разделаем, ушку сварим!

– Толян, ну какая ушка из бабы? Давай их это, того самое...

– Ты че, совсем оборзел? Чтоб я, с рыбой?

– Так это, Толян, базарят...

– Брешут! – рык Толяна погромче взрывов раздался, – Не было такого! В натуре брешут! Чтоб я, да и... Никогда! Век воли не видать! А если и было че, так то по пьяни, башка не варила, ну я и...

– Слышь, Толян, ты че? Чтоб я на кореша стучал? Я тебе говорю – баба это! А ты заладил, рыба, рыба... Сам zenки открой – руки есть? Ноги есть? Грудь на месте? Значит баба!

– Сам ты моргалы открой, Колян! Это че? Хвост! Чешуя! Плавники! Какая ... баба, рыба это натуральная! Тащи ее сюда, ща потрошить будем...

– Слышь, Толян, я на мокруху не подписывался! Сам баб потроши, это не по понятиям! Конкретные пацаны баб любят, а не потрошат!

– Так то баб, а это рыба! Рыб только любят, Колян! А мы с тобой конкретные пацаны!

– В натуре конкретные, да только не рыба это, Толян, а баба!

Спор и дальше в том же духе продолжался, так что Олегу это скоро уже порядком наскучило.

– Все ясно, – вздохнул он, – наши богатыри порыбачить решили...

Богатыри действительно решили порыбачить. Еще вечером. Только удочка или сети – это не для них, не для конкретных пацанов. Специально для таких динамит придумали, ну вот и отправились рано утром наши герои на речку рыбу глушить... Да вот только что-то у них не так, как думалось, пошло. Не, рыбы много наглушили, вся речная гладь рыбой покрылась, брюхом кверху плавающей. Да вот только помимо рыбы еще и русалок с десятков попался, вытащили их богатыри на берег, а теперь сидели рядом, и думали, что это за чудо такое. Ниже пояса – рыбий хвост, выше – девичий стан, все никак не могли к общему знаменателю прийти, что со всем этим добром делать. Ведь если рыба – по одному надо поступать, если женщина – совершенно по другому...

– Придется вмешаться, – решил Олег, и вышел к богатырям.

– О, Олег! В натуре вовремя, вот скажи, че это, баба, или рыба? Я говорю баба!

– А я рыба!

– Баба!

– Рыба, ... мать!

– Тихо, тихо! – начал разнимать спорщиков Олег, пока те друг другу в горло не вцепились. – Это и не баба, и не рыба –

это русалка! Ну, существо такое, под водой живущее, – уточнил Олег, видя, что, в отличие от слова «вампир», со словом «русалка» Колян с Толяном не сильно знакомы.

– Во, Колян! Существо! А ты «баба», «баба»... А то стали бы мы существо как бабу, пацаны бы засмеяли!

– Слышь, Толян, а ты че? Ушку из существа варить? Травиться, что ли?

– Так а че с ним делать, с существом то?

– Да, в натуре! Олег, а че с ним делать тогда?

– Делать? – вампир задумался. – Ну, для начала, я думаю, можно попробовать поторговаться...

Тут только Колян с Толяном заметили, что все это время на них из воды чудо чудное своими огромными глазами смотрело – само зеленое, гнилую корягу напоминает, в тине болотной, рук-ног не счесть, все перепончатые, а на том, что больше всего голову напоминает, корона золотая набекрень одета. Сидит это чудо на мелководе, на людей да русалок стройным рядом лежащих смотрит, рот беззубый открывает, да сказать не может ничего. Не привык, видать, Водяной, а это он самый и был, к наглости подобной, чтоб в его реке его же рыб да русалок динамитом глушили...

– Оба-на, а это че еще такое? – возмутился Колян.

– Водяной, – объяснил Олег, и тут де уточнил, – его стрелять не надо, с ним надо провести переговоры!

– А, ну это мы всегда готовы! – обрадовался Колян, закатывая рукава. – Слышь, Толян, скажи готовы?

– В натуре! – подтвердил Толян, выискивая корягу помасивнее.

– Не, переговоры, если никто не против, буду я вести. Всемир! Ты чего там в кустах застрял, иди сюда. Как вы там обычно с этими водяными договариваетесь? Они человеческий язык понимают? А то что-то не могу его мысли прочитывать, или их и вовсе нет...

Трясущийся богатырь – зрелище потрясающее. Трясущийся заикающийся богатырь – тем более, а уж трясущийся заикающийся богатырь, который крадется на цыпочках и пытается что-то панически нашептать в ухо...

– Всемир, говори нормально, я не понимаю, что ты хочешь сказать, – честно признался Олег.

– Он хочет сказать, – вместо Древошита отозвался Водяной, – что так, как твои спутники, меня еще никто не оскорблял, и горе вам будет, если немедленно моих русалок не отпустите...

– О, так ты нормально говорить умеешь! – обрадовался вампир. – Прекрасно! Ну что, давай обсуждать, договариваться...

– А что тут обсуждать? – зеленая коряга пожала плечами. – Вы немедленно отпускаете в реку моих русалок, не трогаете мою рыбу, а я в ответ даю честное слово, что если немедленно отсюда уберетесь – преследовать не буду. И не пытайтесь читать мои мысли, вампир, не выйдет.

– Э, не, разве так договариваются? Колян, вот скажи, так

договариваются? – Колян отрицательно покачал головой. – Вот видишь, мои друзья говорят, что так дела не будет. Давай по другому. Русалок мы наловили? Мы, значит они по праву наши. Так что давай так – мы тебе одну русалку, так и быть, отдаем, за что ты нам десять сундуков золота должен, на ту сторону перевезешь, плюс слово даешь, за себя и за весь свой род, служить по гроб жизни верой и правдой.

Всемир, хоть и богатырь, что ни нечисти, ни нелюди, ни смерти самой не боится, белым от ужаса стал, Колян с Толяном поддержали Олега морально, а на Водяном тина пузырями пошла, и поди пойми, что это значит.

– Ты, вампир, – наконец отозвался речной владыка, – говори, да не заговаривайся – так дела не будет, твой спутник знает, что с нами, водяными, не торгуются. Делай, что я сказал, пока я добр еще, а то передумаю, ой пожалеешь...

– Ну, как хочешь, – пожал плечами Олег, – Толян!

– Че?

– Знаешь, ты, наверно, был прав – рыба это, самая настоящая рыба. Раз товарищу Водяному не нужна – будем уху варить.

– Отпад! – обрадовался Толян, вынув из-за пояса могучий тесак, и направился в сторону все еще бессознательных русалок.

– Подожди, подожди! – в голосе Водяного впервые появилось нечто, напоминающее эмоции, хоть какие именно – поди разбери. – Ты, вампир, что, серьезно со мной решил враж-

ду устроить? Думаешь, раз кровь пить умеешь, то я тебе и не страшен?

– Да не собираюсь я с тобой враждовать! – возмутился столь бестактным предположением Олег. – Я уху собираюсь варить, раз тебе эти русалки не нужны. Колян, ты, пока Толян их разделявает, котел тащи, у вас там в багажнике что-то пообъемистее найдется?

– Слышь, как не найтись! Найдется! – обрадовался Колян, бросившись в сторону внедорожника.

– А ты, Всемир, не дрожи и не белей, дровишки пока собери, русалок варить – долгое дело, это тебе не форель речная, знатный у нас сегодня обед будет...

Всемир невольно попятился прочь – вряд ли за дровами, но Водяному и этого хватило. Тем более Толян уже к первой русалке примерялся, как бы верхнюю от нижней половинки отделить.

– Стой, вампир! Не делай этого. Твоя взяла, говорить будем. Ты, я вижу, хоть и вампир, а смел, не часто в вашем племени смелые встречаются. Хорошо. Освободи немедленно всех моих русалок, и дам я тебе на тот берег переправиться. Даже обиду держать не буду, тебе ведь этого нужно?

– Э, не! – стоял на своем Олег. – Десять русалок за жалкую переправу? Ты за кого меня держишь? За переправу могу одну дать, не больше. Еще одну – за золото, у тебя на дне его, говорят, много насобиралось. А остальных с собой возьму – нам дорога предстоит дальняя, охота то ли будет, то ли нет,

а мясо русалочье, небось, вкусное...

– Ты что? – на этот раз Водяной уже по настоящему возмутился, – Я и так на уступки пошел! Как ты смеешь такое требовать!

– Это я на уступки! Уже не одну – двух русалок верну! А ты еще и недоволен... А не договоримся – все в суп пойдут! Вон, Толян уже чешую чистить начал, а вон и Колян с котелком...

– Останови их, вампир! Останови, тогда говорить будем! Будет тебе золото, останови! – на этот раз речной хозяин уже не требовал, просил, с каким-то даже надрывом.

– Ладно, Толян, подожди. Послушаем, что нам еще этот зеленый товарищ предложит... Итак? Господин Водяной, какие еще будут идеи? За золото и переправу больше двух русалок не получишь, что еще можешь нам предложить?

– Что есть, проси! – обречённо пробормотал Водяной. – Сам ведь понимаешь, вампир, я за своих дочерей что захочешь, отдам. Глупые они еще, молодые, полезли смотреть, что за странники к нашей реке пожаловали, вот и попались, дурочки... Им еще жить и жить...

– Так бы сразу! А то «делай»! Мы ведь с тобой умные не люди, а умные не люди всегда общий язык найдут! Значит так. За первую русалку ты нас перевозишь на тот берег. Вместе с машиной. За вторую – сундуки с золотом, уж насобирай, вашему племени князя много подарили. За третью – камни драгоценные, тоже поищи, да не бижутерию всякую,

безделушки, а настоящие. За четвертую, ты за все свое племя водяное клянешься нас всех отныне и впредь через реки любые беспрепятственно пропускать, когда бы мы этого не пожелали. За пятую, ты даешь слово больше никогда не шутить, за помощь свою девок требуя. Что сами утонули – это твое, это святое, а топить чтоб и не вздумал кого! За шестую...

Водяной лишь горько соглашался – впрочем, условия для него даже не столь обременительными оказались, как Олег изначально собирался потребовать. Все же скупая отцовская слеза, даже если это слеза покрытой мхом коряги, пузыри пускающей, смилостивила вампира. Даже количество сундуков с золотом Водяной до семи сторговал – мол, больше он сейчас все равно не отыщет... Пришлось на слово поверить. Впрочем, Толян с Коляном тоже согласились, что золотишко получше будет, чем непонятные существа, то ли рыбы, то ли бабы, с которыми и делать что непонятно.

– Олег, – восхищенно пробормотал Всемир, когда Водяной поднимал со дна четвертый сундук, – ты совершил чудо! Еще никому и никогда не удавалось так с водяным...

– Никогда не говори никогда, Всемир, – заметил вампир, – Знал бы ты, с какими типами мне пришлось в жизни своей встречаться... По сравнению с ними он ангел во плоти. Он хоть слово держит, а ведь и такие встречались, что все, что попросишь, пообещают, а все равно соблюдать договор не собираются... Только ты, Всемир, учти – на будущее – так,

как я, тебе лучше не поступать. Я ведь сразу понял, что не простые это русалки, за простых, он бы никогда так торговаться не стал. О! А вот это вещь действительно стоящая! Простите, ребята, но это я, пожалуй, прихвачу себе...

«Это» – плата за девятую русалку, больше всего напоминающая застывшую в форме клинка воду. «Водный меч», как его обозвал Олег, был преподнесен с величайшим почетом, как будто это не просто оружие подводной стражи, а нечто сверхдрагоценное.

– Скажи мне, вампир, зачем тебе этот безымянный меч? – не удержался от вопроса Водяной.

– Жене подарю, – пожал плечами Олег, – у меня Зинка давно о чем-то подобном мечтала, ее уже антикварные японские катаны не устраивают, что-то более экзотическое подавай...

– Интересная у тебя жена, вампир, что меч в подарок требует...

– Моя жена – ведьма, – цитатой из известной книги ответил Олег, как будто это сразу и все объясняло.

Сундуки загружали долго – даже бездонный багажник «Вепря» когда-нибудь должен был заполниться, пришлось часть провизии прямо в салон забивать. Русалки к тому времени уже оклемались, но в родную водную стихию не спешили нырять – там хоть и батка-водяной стоит, да вот только Колян с Вованом, оба большие и страшные, ближе. Так сказать, во устрашение. И лишь когда Водяной откуп за доче-

рей в полном объеме предоставил, и слова все нужные дал, за себя и за все свое племя, лишь тогда Олег разрешил русалкам домой отправиться.

– Ну что, Водяной, а теперь перевози нас на ту сторону Дансы! – скомандовал вампир, когда загруженный и забитый внедорожник подкатил к реке.

Ох, и тяжело Водяному пришлось. «Вепрь», он хоть и с возможностями амфибии, да вот только когда не так забит – три богатыря, из которых один в броню закован, кучу сундуков с золотом, провизии на роту солдат, две бочки спирта, и еще неизвестно что по разным закуткам запрятанное. Не говоря уже о таких мелочах, как Олег или Любослав, веса почти не имеющий. В таком виде «Вепрю» одна дорога – на дно, а дно у Дансы, как известно, глубокое, недаром ее в народе «Дансой-бездонной» прозвали. Вот и пришлось поднатужиться Водяному, поднапрячься, и, охая и ахая, на собственной спине машину через реку перевозить. А река-то широкая, пол версты будет, такую, не всякий переплывет, а уж на себе груз такой таскать... Но справился Водяной. Их племя хоть мускулами и не блещет, да и откуда у коряги мускулы возьмутся, силой немалой наделено. Недаром ведь говорят, что водяной и княжескую ладью с дружиной утянуть может – а она потяжелее джипа будет, куда как потяжелее.

Как бы там ни было, доставил речной владыка героев на тот берег, с комфортом, так, что машина даже колес не замочила.

– Ну, спасибо тебе, Вассерман⁵, за службу! – поблагодарил Олег.

– И тебе спасибо, вампир, что дочерей моих трогать не стал – вижу я теперь, что действительно не боишься ты гнева моего. Если нужда будет – ты обращайся, рад буду услужить...

– Не волнуйся, если нужда будет – я тебя на краю света достану, ни в одной луже не спрячешься! – оптимистично пообещал Олег, захлопнул дверь, и машина дальше поехала.

А пока «Вепрь», ведомый твердой рукой широко известного в узких кругах Толяна, штурмует речные кручи, а правый берег Дансы по всем законам физики высоким оказался, не ниже киевских круч, перенесемся чуть дальше. К могучим горам, что снежными шапками покрыты, а вернее под них, в глубокие пещеры, где никогда не ступала нога человека. Там, в окружении сталактитов и сталагмитов, на груде золота и драгоценных камней просыпался древний дракон. Сотни лет владыка небес спал на своих сокровищах, древний, как сам мир, могучий, как никто другой. Но пробил роковой час, и настала пора людей платить за свою короткую память, за то, что забыли они дракона трехглавого, превратили его в часть сказок и былин. Последний представитель племени, которое властвовало над всем миром миллионы лет, пока не ушло в добровольное странствие, вечно скитаться в поисках других миров, просыпался, медленно и неторопли-

⁵ Wassermann [de], Немецкое название водяного и водолея

во, в его груди пробуждался огонь, три его пасти выпускали дым, чешуйчатые веки дрожали, готовясь открыть давно не видевшие свет глаза. Дракон, магическое создание, иммунное к любой магии, божество, которому поклонялись народы, чуял великое зло, что творилось на закате, чуял злато, что поднялось с речных глубин на востоке. Он чуял нелюдь и нежить, людей и эльфов, леших и водяных, чуял огонь в глубинах земли и огонь, сверкающий в небе. Дракон просыпался, готовясь явить себя миру во всей красе, и горе тем, кто осмелится восстать против его власти и стать на пути подгорного владыки...

– Горыныч проснулся, – между прочим, заметил Олег.

– Че? – не понял Колян.

– Да это я так, о своем, – отмахнулся Олег, – одного старого знакомого почуял. У нас с ним некогда были... определенные принципиальные разногласия, во взглядах на отношение с женщинами не сошлись. Честно говоря, я думал, что эта проблема уже решена, ну да ладно. Что не делается, то к лучшему, ушел змий тогда – сейчас не уйдет...

– Змий? – на этот раз пришла очередь переспрашивать Всемиру. – Тут, на склонах хребта, змии крылатые, конечно, водятся, но это лишь крупные безмозглые ящеры, способные извергать пламя.

– Так это просто змии, а то Горыныч! Без стыда и совести тварь! Сначала у меня на Руси лютовал, оброк с деревень требовал, лучших девок ему подавай. Потом мы с

Илюшей его вроде как прогнали – так он на восток полетел, князем лагорским заделался. Пришлось наведаться... А то, змий проклятый, совсем обнаглел – девок воровал, что из дома выйти страшно было! Ну да ничего, справился, приструнил гада! Один мой знакомый, Колька, потом об этом даже стих написал...⁶ Только, видать, тогда я его не добил до конца. Вы, ребята, не обращайтесь, это, так сказать, личное...

– Ты че, Олег? – возмутился Колян. – Чтоб мы дружану не пособили? Вместе валить будем! Где этот, как его...

– Горыныч. Он в горах живет.

– Абрек, что ли? Кавказец? – возмутился Колян.

– Вообще-то он огнедышащий дракон трехголовый, – пожал плечами Олег, – но и на Кавказе тоже одно время жил.

– Завалим кавказца! – убежденно успокоил вампира Толян, поглаживая пушку. – И не таких валили!

Тем временем внедорожник уже закончил штурм речных склонов, в лишний раз доказав, что отечественные танкостроители, если захотят, могут настоящее чудо хоть на гусеницах, хоть на колесах сотворить. Пусть даже без пушки, и не на соляре, а на медовухе работающее (правда, последнее уже местный тюнинг, боги постарались). И теперь «Вепрь»

⁶ Скорее всего Олег имеет в виду стих Н. С. Гумилева «Змей», 1916 год, альманах «Аполлон». В стихе змий сражен богатырем Вольгой (литературная форма – Олег) – героем былин киевского цикла, богатырем-оборотнем, обладающим властью над силами природы. Лагор – город Лахор, возник в начале нашей эры на реке Рави, древний город Индии, ныне столица провинции Пенджаб, Пакистан.

катил по холмистым предгорьям, объезжая редкие кусты и еще более редкие деревца, направляясь в сторону могучего горного хребта, возвышающегося впереди. Как Драконий Хребет штурмовать – никто пока еще не думал, Толян с Коляном вообще не умели так далеко в будущее заглядывать, Всемир на подгорные каверны да пещеры надеялся, Любослав на богов, Олег на то, что все как-нибудь само обойдется. И надежды, надо сказать, были небезосновательными – Драконий Хребет только казался неприступным, на самом деле там было огромное количество звериных горных троп, пологих перевалов, подземных рек и ручьев, вдоль которых, в принципе, можно было бы попробовать проехать. Чего не было – так это карты всего этого добра, или надежного проводника, который смог бы провести, но это, право дело, такие мелочи, не заслуживающие особого внимания.

Вообще же горы обладают одной удивительной особенностью. Любые, если они, конечно, достаточно высокие. Ты к ним можешь ехать, ехать, а они от этого ближе будто и не становятся. Так и наши герои. Еще до полудня через Дансу переправились, до вечера ехали – а до гор так и не доехали, и лишь поздней ночью, когда на небе засияла луна и засверкали звезды, машина притормозила невдалеке от скалистой стены, уходящей почти отвесно куда-то в небеса.

Устроились на привал. Так как прошлым вечером Толяну с Коляном погулять не удалось, готовились с утра на рыбалку идти, то решили за два дня сразу отпраздновать. Бла-

го чем – хватает, оленина, кабарина, утятина, рыба вареная, рыба жаренная, фрукты-овощи, караваи почти свежие, не говоря уже о главном продукте – медовухе пятидесятиградусной в неограниченных количествах. Причем одним им было скучно гулять – остальных тоже пригласили. Олег сразу подсел, Всемир после непродолжительных колебаний, Любослав сначала отнекивался.

– Не пристало волхвом с богатуры питяши! – пытался он объяснить основы своей жреческой философии, но безуспешно.

– Слышь, старик, ты че, нас не уважаешь? – недоуменно спросил Колян, и у волхва не оставалось выбора – богатырей он уважал и пришлось вместе со всеми пить.

Но не долго – двух-трех чарок Жаровнику хватило под завязку, после чего он завалился на голые камни, где и уснул. А остальные богатыри еще долго гуляли, пока кто-то, вроде как Всемир, «песни боевые, дабы боги возрадовались», петь не предложил.

– А че, это идея! Слышь, Толян, тащи гитару!

– В натуре! – согласился с приятелем Толян, спустя каких-то три минуты уже нашедший под пассажирским сиденьем самую настоящую шестиструнную гитару, настроенную и готовую к игре.

– Круто! А че петь будем? Давай нашу, любимую! – предложил Колян.

– Давай, ...! – согласился Толян. – Подпевай, ... мать!

Бритоголовый шкаф, с нежностью, достойной самого Дон Жуана, обхватил поудобнее гитару, взял для пробы несколько аккордов и заиграл...

– С одесского кичмана, – пел он своим хриплым голосом, – сорвались два уркана, сорвались два уркана в дальний путь...

– Ой, в дальний путь! – неожиданно красивым баритоном поддержал Колян.

– У княжеской малины они остановились, они остановились отдохнуть, – пел Толян, и в памяти Олега поднимались вроде бы уже давно и начисто забытые образы – Одесса, революционная романтика, и он, комиссар ЧК Олег Горемыкин, бредет по ночному городу...

– Ой, отдохнуть! – подпевал Колян.

– Товарищ, товарищ, болять мои раны, болять мои раны глубоке! – пел Толян, и было такое чувство, что это именно его раны сейчас так болят...

– Ой, глубоке-е-е! – не отставал от приятеля и Колян.

– Одная заживает, другая нарываешь, а третья открылась на боке! – хрипел с чувством Толян, да так, что сам Древошит едва не прослезился.

– Ой, на боке!

– Товарищ, товарищ, товарищ малахольный, за что ж мы проливали нашу кровь...

– Ой, нашу кро-овь...

Хорошо Колян с Толяном пели. Чувственно. От всей ду-

ши. Вкладывая себя в слова песни так, что Олег для себя решил – если у этих двоих в бизнесе проблемы начнутся, если финансово-промышленная группа Вована прикажет долго жить, то Коляна с Толяном можно на эстраду устроить. У Олега там хорошие связи были...

За «Кичмном» последовала «Мурка», сначала обычная, потом с Рабиновичем, плюс еще несколько вариантов, которых даже Олег не знал, затем «Владимирский централ», другой репертуар Круга, репертуар Гарика Кричевского, опять вернулись к старым одесским песням... Потом и Всемир подпевать начал, хоть и слов не знал, но в ритм как-то укладывался, даже Любослав прямо сквозь сон что-то мычал нечленораздельное... Так всю ночь и просидели. Только под утро, когда по идее уже вставать и дальше отправляться пора, Толян отложил в сторону гитару и, зевнув на прощанье, завалился спать. Колян с Всемиром последовали за ним, и только Олег еще долго бренчал на гитаре, напевая что-то вроде «идет охота на волков, идет охота...» Как уже говорилось, потребность во сне верховные вампиры испытывают опосредовано, да и алкоголь на них почти не действует, так что Олег мог себе позволить еще немного поиграть...

Тем временем древний дракон и дальше ворочался на груди золота... Эманации его сознания разлетались все дальше и дальше, сначала слабые, их могли почувствовать лишь самые великие чародеи и могучие силы. Но волны драконьей ненависти становились все сильнее, и теперь уже их чувство-

вали почти все: простые люди – как вспышки беспочвенной злости, безосновательную ярость; домовые и полевые, овчинные и банные – как страх, древний, как и сами эти мелкие божества. Змии же, или меньшие драконы, неразумные братья дракона древнего, как верные псы, чувствовали пробуждение своего хозяина и водили праздничные хороводы над Драконьим Хребтом, готовясь к торжественной встрече властителя небес...

Наших же героев это все почти не затронуло – лишь Любослав метался во сне, видно, кошмары виделись. Остальные же оказались слишком толстокожими, чтоб на какие-то там проявления Змея Горыныча реагировать – особенно Колян с Толяном. Тем, кто с Вованом ужиться смог, чудовища ни почем.

Пробуждение компании спасителей мира произошло где-то к полудню – солнце как раз в зените стояло, когда, зевая и заливая сухое горло припасенным с вечера рассолом, предусмотрительно прихваченном в дорогу в большом количестве, герои соизволили раскрыть глаза.

– Слышь, Олег, а тебе че, опохмеляться не надо? – с удивлением спросил Колян, когда вампир от своей порции рассола отказался.

– Не, не надо. У нас, вампиров, похмелья не бывает.

– Круто! – тут же рядом оказался Толян. – А меня вампиром можешь сделать? Ну, вы ж это, вроде как, умеете...

– Умеем, – не стал отпираться Олег, – но не высшим. Толь-

ко самым обычным — будешь потом солнца бояться, — Толян задумался, — серебра, — раздумья приобрели глобальный характер, — осины, — глубина раздумий превысила все разумные границы, — чеснока...

Решение было принято.

— Э, не! Чем закусывать тогда буду, если чеснока нельзя? Да ну его, этот вампиризм, на ...! — передумал становиться кровососом Толян.

— Ну и верно! — согласился Олег. — Ну что, все проснулись? Любослав! Хватит поклоны бить, боги и так знают, что ты их любишь, а меня ты нервируешь! Любослав! Тетеря глухая, кому сказал хватит! Не волнуйся, боги не обидятся, уж я их хорошо знаю. Лично, можно так сказать, знакомы были. Итак, все видят перед нами горы? Объявляю совещание на тему «как через них перебраться», слово имеет Всемир. Какие будут идеи, Древоцит?

— Дракониий Хребет издревле служит домом для многочисленных племен подгорной нечисти, проходы под ним вдоль и поперек прорыты. Во времена величия Китеж-града, когда весь мир под князем ходил, карлы подгорные проход держали, за золото всех пропускали чрез него. Потом люди ушли, но карлы, коли скитальцы не брешут, до сей поры под горами руды копают, мы должны найти их и проход сторговать!

— Ясно, Всемир предлагает с гномами договориться. Слово дается Толяну. Он же наш водитель.

— А че тут думать? — возмутился Толян, — Я че-то с кар-

ликами не понял, это че, типа местных ментов, ..., за проезд им бабки скидывать надо?

– Почти, – Олег сделал неопределенный жест.

– Ну, тогда карликов мочить!

– Ясно, Толян предлагает силовой вариант решения поставленной задачи. Мнение Коляна... понял, аналогичное – что же, значит ищем, где тут гномьи пещеры, а там на месте разберемся.

Как компромиссный, вариант Олега получил всеобщее одобрение, так что, позавтракав, или же пообедав, это смотря с какой стороны смотреть, компания отправилась вдоль горных склонов, выглядывая ворота в «царство подгорных карлов». Искать пришлось достаточно долго – не потому, что ворота были хорошо запрятаны, как раз местные гномы не таились и парадный вход оформили достаточно монументально. Одна только арка ворот диаметром метров тридцать чего стоит, покрытая чистым серебром. Просто, так как толковых карт этих мест не было, выяснилось, что наши герои оказались несколько южнее, чем планировали, и им пришлось добрых две сотни верст на север вдоль хребта ехать, а по таким дорогам это часа три, не меньше. Однако постепенно по косвенным признакам (руины крепости, огромная гора из обглоданных черепов и костей, вплавленные в скалы скелеты – результат нескольких безуспешных попыток Китеж-града покорить подгорное царство) Всемир определил, что «вот-вот ворота покажутся», и действительно пока-

зались.

Монументальные, огромные, украшенные искусной резьбой и покрытые сусальным серебром, неприступные самым могучим таранам ворота были распахнуты настежь, и, судя по валяющимся повсюду киркам и ломам, еще совсем недавно местные обитатели драпали отсюда, да так, что лишь пятки сверкали.

– Вот те раз! – усмехнулся Олег. – А гномы-то наши трусоватыми оказались! Только Горыныча почуяли – и сразу бежать... Ну и ладно, нам же лучше – Толян, рули в туннель, платить никому не будем, валить тоже, а уж куда проехать как-нибудь сориентируемся.

– Велика, велика сила того, кто подгорным карлам подобный ужас внушил! – по своей старой привычке запричитал Всемир. – Не ведают они страха, а коли вынудила их родные края сила великая покинуть, быть может, не стоит нам сломя голову...

– Слушай, Всемир! – возмутился Олег. – Ты богатырь, или баба? Если богатырь – то чего ноешь все время, вон, бери с Любослава пример – сидит и не рыпается!

Любослав Жаровник действительно не рыпался – сидел тихо, как мышь, белый, как мел, по сторонам ошалевшими глазами смотрел, да богов одними губами спасти и помиловать молил. А уж когда вокруг своды пещер сомкнулись – и молиться перестал, понял, что все равно через толщу гор до богов не докричатся.

А толща внушительная. Дракониий Хребет возник на месте столкновения двух материковых плит, это молодые активные горы, в которых землетрясение столь же обыденно, как рассвет или закат. А так как подгорные карлы – существа неторопливые, что во всем порядок превыше всего ценят, им у поверхности свои хоромы возводить не с руки, вот и забились в самую глубь, где скалы вокруг – один сплошной монолит, что и укреплять особо не надо. Там объединили все естественные «пузыри», каверны, где вода промыла сквозь щели все легкие горные породы, в единую систему, построили свои города, мастерские, шахты... Короче, огромный город-лабиринт, куда, не мудрствуя лукаво, без всяких карт или путеводителей, заехали наши герои в поисках сквозного прохода. Ориентируясь лишь на слова Всемира, что «некогда он тут точно был!»

Впрочем, пещеры, особенно освещенные полной иллюминацией «Вепря», у которого помимо стандартных фар в комплект входил мощнейший прожектор, способный вращаться во все стороны, были восхитительным зрелищем. Даже покинутые, они сверкали зеркальными сталактитами и сталагмитами, отшлифованными гномами по их представлению об эстетике, тускло светили облепившими стену фосфоресцирующими мхами и блестели ярко-салатовым цветом люминесцентных красок. Что еще радовало – заблудиться в подземном царстве было невозможно. По одной простой причине – от ворот вел всего лишь один достаточно широкий для

«Вепря» проход, во все остальные мог протиснуться гном, простой человек или даже богатырь в полных доспехах и на коне, но уж никак не широченный внедорожник. Так что как потерявший что-то ночью человек должен искать это под фонарями (все равно больше нигде не найдет), так и наши герои ехали там, где им позволяли условия. О том, что протаранить каменную толщу даже у такой махины не выйдет, у Толяна мозгов хватило понять, потому он вел с максимально возможной осторожностью, лишь изредка сбивая сталактит-другой.

– Слышь, Олег, – решил расширить свой кругозор Колян, – а мы че, где-то уже под Донецком?

– Донецком? – даже многовековой опыт вампира не всегда позволял ему понять ход мысли приятелей.

– Ну да, наш кореш один из Донецка, его все Шахта кличут, позывало такое, базарил, что там тоже такое все черное, там все под землей копаются, уголь копают – так и тут, ты гля, вон, сколько каменюк навалено...

– Ну, как бы тебе так сказать... – Олег задумался – он считал, что ранимой психике Коляна с Толяном еще рано знать, что они в другой мир попали, это может травмировать их душевное равновесие, а потому приходилось отвечать с определенной долей осторожности. – Это, конечно, тоже шахты, ты угадал, но не совсем в Донецке...

– Колян, ты совсем тупой! – избавил Олега от необходимости отвечать Толян. – Какой на ... Донецк? Ты башкой ва-

ри, а не хавалом! Мы куда едем?

– Куда? – не понял Колян

– На запад! А Донецк – это восток! А мы сейчас где?

– Где?

– В горах! Какие у нас горы на западе? Карпаты, ... мать!

Значит мы в Карпатах, там тоже шахтеры живут! Географию учи, ..., ... мать!

Олег не стал переубеждать Толяна.

А пока внедорожник катался по опустевшим подземельям, где-то не так уж далеко проснулся дракон. Шесть глаз древнего создания раскрылись, три пасти издали вой, который уже давно не слышали своды этого мира. Дракону не нужен был свет, он видел все магическим зрением, видел мир вокруг сквозь толщу гор, видел людей и нелюдей, чуял запахниковавших богов и богатую добычу. Дракон знал – скоро он опять взлетит в небеса, и в окружении своей неразумной преданной свиты, что все эти века стерегла его покой, пролетит над миром, внушая ужас лишь одним своим грозным видом. Дракон не боялся магов, магия бессильна против его племени, дракон не боялся лучников, ни одна стрела не могла пробить его чешую, дракон не боялся богатырей и героев, их мечи и копья не могли нанести ему значительные увечья. Дракон слал зов своим слугам, смертным и бессмертным – они должны были прийти на него, и стать наместниками в его империи, которая будет существовать вечно. Дракон наслаждался силой, купался в потоках магии, пронизываю-

щих Драконий Хребет, его могучие крылья распрямились, готовясь вынести треглавого змея на волю из тьмы горных пещер. А потом магический взор дракона наткнулся на букашку. Мелкое, ничем не примечательное существо, которое сейчас было совсем рядом, в каком-то десятке верст от пещеры дракона. Знакомую, очень хорошо знакомую букашку – ту самую, от которой он, владыка сущего, бежал в этот мир, едва спася свою шкуру. Жалкую букашку, которая когда-то осмелилась бросить вызов дракону, и, планомерно, добилась своего. Букашку, одни воспоминания о которой вызывали у дракона озноб, дрожь и холодный пот, хоть драконы, как известно, потеть не умеют. Букашку, которая некогда взяла себе имя Олег, и теперь, не оставалось никаких сомнений, пришла сюда по его, дракона, душу.

Дракон завыл, и от воя этого содрогнулись горы...

– Почуял меня, Горыныч! – усмехнулся Олег. – Запаниковал! Ну да ничего, это ему все равно не поможет. Всемир, ты как, готов морально совершить подвиг и сразить страшного змия? Вижу, что готов – значит будешь мне ассистировать, методику ловли Горынычей мы еще с Илюшей в свое время разработали, на этот раз уже не уйдет.

«Вепрь» мчался вперед. Подгорные карлы хорошо поработали, прорубив сквозные туннели через все свое царство. Внедорожник держал приличную скорость, на радость любителя экстремальной езды Толяна, и окружающие пейзажи так и мелькали за окнами. Шурфы, рядом с которыми валя-

лись отвалы полудрагоценных камней, россыпи мифриловой руды, за которые Китеж-град готов был любые деньги заплатить, сложные механические устройства, как правило, на мускульной тяге, целые галереи съедобных мхов и грибов, освещаемых сложной системой проводящих свет с поверхности зеркал. Огромные печи-домны, еще даже не остывшие, прогреваемые теплом подведенной из глубин земли лавы. Даже целый зоопарк, единственное, что заинтересовало Толяна с Коляном – огромная пещера, все стены которой были заставлены клетками, от совсем крошечных, где какие-то крысы жили, до средних, откуда на отряд взирали глаза голых, одичавших людей (местные гномы считали людей одной из разновидностей обезьян), и до огромных. Была одна клетка-великан, высотой добрых два десятка метров, где, лютуя и стегая решетку огненным бичом, бился самый настоящий демон, время от времени, подвывая от ужаса. Впрочем, судя по окружающему эту клетку слою пепла и обгорелых прутьях, огненный демон сидел тут уже не год и не два, так что волноваться, что эта тварь сейчас вырвется на свободу, не стоило.

– Круто! – прокомментировал Колян. – Слышь, Олег, а че это такое сидит? Его стрелять можно?

– Это балрог, – пояснил вампир, – его стрелять можно, но не нужно, во-первых он несъедобный, во-вторых сразу же в пепел после смерти превращается. Реликтовый, между прочим, вид, вымирающий, кремниевая форма жизни, они землю миллиарды лет назад заселяли, потом в недрах попрята-

лись, наружу почти не вылезают. Надо же, балрога пленили, а Горыныча испугались... – покачал головой Олег. – Странный народ эти гномы, ничего не боятся, кроме драконов и большой воды.

– Олег, но как они могли справиться со столь великой силой? – изумлялся Всемир, – Я лишь слышал про огненных демонов бездны, одолеть их считается выше сил человеческих...

– Одолеть их проще простого, – отмахнулся Олег, – заманить в ловушку, они на тепло лезут, потом чем-то остудить, например, пару тонн воды на голову вылить. И готово – каменюка каменюкой, дохлее не бывает, а если потом прогреть – оживет. Главное, глупости не делать – с мечом против такого делать нечего, если, конечно, жизнь дорога.

Толян тем временем, решив, что конкретные пацаны в зоопарках не охотятся, уже вел машину дальше, так что зал с одичавшими людьми и беснующимся балрогом остался позади. А впереди уже буквально через пол часа героев ждали ворота, ведущие из подгорного царства на волю, во внешний мир. Как и первые, распахнутые настежь – страх перед драконом оказался сильнее вошедшей в легенды педантичности гномов, и они, уходя из дома, даже не соизволили закрыть за собой входную дверь.

Машина выехала наружу, и перед нашими героями предстала огромная пустынная красно-серая равнина, подсвечиваемая лучами заходящего солнца. Ни кустика, ни деревца

– начинаясь от самого хребта, покрытая пожухлыми травами, равнина уходила до горизонта, способная вызвать тоску и депрессию даже у самого морально стойкого человека.

– Темные земли... – пробормотал Всемир.

– Ночью все земли темные, – отмахнулся Олег. – Толян, тормози. Будем тут ночевать.

– В натуре! – согласился бритоголовый шкаф.

Привал был устроен прямо у ворот подгорного царства – «Вепрь» заправлен очередной порцией медовухи, желудки героев, сытным ужином. Как бы ни был уныл окружающий пейзаж, на аппетит истинных богатырей такие мелочи повлиять не способны. Это Любославу кусок в горло не лез, да Всемир пол часа грыз да жевал утиное крылышко – Колян с Толяном уплетали за обе щеки с истинным аристократизмом дорвавшихся до «жрачки» орангутангов. Олег, в свое время побывавший на званых приемах почти во всех европейских королевских дворах, задумчиво грыз краюху черного хлеба, изучая что-то в темнеющих небесах.

– А вот и Горыныч полетел, – тихо пробормотал он.

И действительно – там, над горами, в небесной выси, стремительно мчался куда-то на запад огромный трехглавый дракон, извергая струи пламени. Внушающий ужас древний реликт ушедших эпох летел прочь, воображая себя властителем земным и небесным.

Дракон умчался быстро. Кроме Олега, его никто даже и не заметил – все были заняты более приземленными дела-

ми, Колян с Толяном ели и пили, Любослав молился, Всемир тосковал о несбыточном.

– Олег, это темные земли... – подсев к вампиру поближе, сообщил Древощит. – Земли обмана и предательства, земли тоски и вечных иллюзий. Тут ничему нельзя верить, в древние времена на эти земли было наложено страшное проклятье, и люди ушли отсюда. А те, что остались, уже не люди. Это... Это прислужники тьмы. Они лишились души, получив взамен загадочные колдовские силы, понять природу которых не в силах наши волхвы. Это сила... Она не от богов и не от демонов, она...

– Ты главное скажи – эти самые, темные, у них кровь какого цвета?

– Кровь? – Всемир удивился. – Красная у них кровь...

– Ну и прекрасно. Раз кровь красная, значит, они точно так же умеют ее проливать, значит уже не бессмертные, а все остальное особой роли не играет, – подытожил Олег.

– Олег, я знаю, ты великий герой, быть может, знай мы твое истинное имя, лежать нам у твоих ног, но темные земли страшны! Они убивают не честной стрелой, а мороками и наважденьями, внушая живым ужас и желание избавиться от брэнного тела...

– Во-первых, Всемир, меня на самом деле зовут Олег, а во-вторых, ты посмотри на наших богатырей, и скажи мне честно, они похожи на людей, которым надоело брэнное тело?

Колян с Толяном действительно на таких были не очень похожи. Веселые, счастливые, они, сидя в обнимку, только что продегустировав «пшениный хмель», весело распевали нечто задорное, не в такт и фальшивя, зато от всей души. И не волновали их никакие земли, темные или светлые, никакие драконы и маги, они наслаждались жизнью и прекрасным сафари, которое им организовал Олег.

– Быть может ты и прав, – задумчиво признал Всемир, – говорят же, что тем, кто духом чист и сердцем открыт, никакие призрачные мороки темной земли не страшны, тем же, кто свершил в своей жизни зло, никогда не пройти через эти края, ибо страшнее самых лютых хищников наваждения моральных терзаний...

– Ну, тогда точно можно не волноваться! – улыбнулся Олег. – Уж чем-чем, а моральными терзаниями наших богатырей не испугаешь!

А пока отважные герои обсуждали моральный облик друг друга, дракон летел на запад. Он почуял своего врага, поджидающего у самого входа в гномьи пещеры и готового в любой момент укрыться там от драконьего пламени, но не тронул его. Не только по этой причине. Дракон слишком хорошо помнил, чем закончилась их прошлая встреча, а потому не хотел больше рисковать. Уничтожить Олега должны будут другие – те, кто в свое время поклялся служить дракону, и теперь настало время исполнять принесенные клятвы. Дракон летел на запад. В темные земли, где, укрытый веч-

ным мраком, на одинокой скале стоял величественный замок. Там уже ждали огромные сундуки с золотом и прочие дары, томились в высокой башне приготовленные в жертву юные девственницы. Но дракону этого было мало. Он летел, чтоб потребовать службы темных воинов, и первым их делом будет именно Олег. «Проклятый вампир погибнет!» – твердил, как буддийскую мантру, сам себе древний дракон.

– Не дожدهшься, Горыныч! – усмехнулся Олег, прекрасно умеющий улавливать исходящие от дракона эманации магической силы.

Вампир тоже готовился к бою. У него не было верных союзников, если не считать храпящую рядом честную компанию, Олег не умел извергать пламя, зато он обладал тем, чего у Горыныча никогда не имелось – человеческим разумом. И сейчас, уютно устроившись и созерцая сверкающее звездами небо, вампир предавался воспоминаниям...

Народная память штука очень забавная. Народ совершенно спокойно забывает одних героев, придумывает других, третьих смешивает с четвертыми, а пятых разделяет на шестых и седьмых. Никто уже не вспомнит о Руде Пыхатом, легендарном славянском князе, создавшим первое централизованное государство, само его имя исчезло из истории, зато все прекрасно помнят Добрыню Никитича, который ничем в жизни не прославился, кроме того, что он князю Владимиру родным дядей приходился. Илье Муромцу, реальному богатырю, чьи мощи в Киево-Печерской Лавре лежат, приписаны

подвиги, о которых он сам не ведал, а из всех воспоминаний о Вольге в памяти народной остался лишь поход в индийское царство, куда тот ходил по сугубо личному делу, да встреча с неким Микулой Селяниновичем, с которым Вольга никогда в жизни не встречался. Впрочем, Олег не обижался на народ, за последнюю тысячу лет ставший родным – за славой он никогда не гнался, имя свое любой ценой превозносить не любил. Его даже забавляло, что былинный Вольга, он же Волх, упорно назывался сыном змия, в то время как реальный Олег того самого змия гнал в три шеи из русской земли.

Они вообще были старыми знакомыми. Когда Олег еще только приехал в Киев, город, ставший его родиной на следующую тысячу лет, Горыныч уже жил тут, на горе Почайной, в районе нынешнего Подола. Жил, не тужил, землями всеми в округе правил через своих наместников-людей. Олег, до этого пару веков проживший в Скандинавии, просто ошалел от такого нахальства – у них, у викингов, принято было драконам головы рубить, а эти странные славяне вместо того, чтоб собраться всем миром и показать дракону, кто в доме хозяин, дань ему уже не первое столетие платили. В памяти народной и через тысячу лет об этом память сохранилась, о чем даже пьеса написана⁷. Рыцарь круглого стола, с самим Артуром братавшийся и с Мерлином пьянствовавший, Олег, естественно, с дружиной своей змия погнал. Настоящие викинги, которых сам Один в Вальхалле ждет в ожидании часа

⁷ Скорее всего Олег вспомнил пьесу Евгения Шварца «Дракон»

Рангарёк, и не таких били – в те времена вообще земля была интересным местом. Собственно говоря, после того «подвига» сказки о богатыре-Вольге и стали из уст в уста передаваться, в последствии перемешавшись, да так, что уже не Вольга сразил змия, а змий Вольге отцом приходился.

Погнать-то Олег дракона погнал, да в первый раз не далеко, змий запрятался, затаился, исподтишка вредить наловчился. При этом прикидывался тихим да мирным, мудрыми речами на свою сторону не только людей, а и богов завлекал. Которых сам же Олег в славянских землях и пристроил, богатый скандинавский опыт сказался.

Вампир долго терпел такое соседство. Целый век. Пока это ему окончательно не надоело, и уже во владимирские времена вдвоем с Ильей, Муромцем прозванным, загнал Горыныча в ловушку, хвост ему прищемил, да смилостивился, не стал головы рубить. По просьбе Ильи, тот по жизни был мягкосердечным, и тогда драконьим слезам поверил. Отпустил, получив клятвенное обещание не ступать больше на землю славянскую.

Дракон клятву сдержал – поселился на юге, сначала на Кавказе, потом в окрестностях Лагора, а когда на север безобразничать прилетал, то девиц прямо с лету хватал, к земле не дотрагиваясь. И опять Олег терпел, да не вытерпел, на этот раз уже в одиночку на дракона пошел, и показал Горынычу, на что способен разгневанный вампир. Да так показал, что в самом Лагоре и следа от драконьего дворца не осталось,

а местный люд перепуганный уже через поколение заставил себя о местном треглавом «князе» забыть. Так что свидетелей героизма Олега скоро не осталось, рассказать, что он делал в индийской земле, никто не мог. А славяне, почесав в затылке, подумали, подумали, да и придумали былинку, где Вольга то в птицу, то в горностая перекидывается. Хотя на самом деле если Олег в кого и перекидывался, то только в огромную летучую мышь, да и то по молодости, чем старше становился, тем ему больше человеческий облик нравился. Тот самый, что ему, верховному вампиру, самому древнему из представителей этого племени, был от рождения дан.

Под такие мысли и воспоминания Олег и заснул. Сладко заснул, не боясь ни мести Горыныча, ни темной земли, где некие жутко страшные, по словам Всемира, мороки всем грозили.

Утро же началось для вампира с воплей Любослава.

– Ааа... Горе, страх велико горе случишся! Горе на наши главы валишся, не мочи вперед ходити, верташися надобно веско скоро! – вопил своим писклявым голосом жрец, бегая кругами и молитвенно взывая к небу. – Як мочи скоро верташися, грех велик воля божеши не слушатися! Верташися, немедля верташися! Горе, грех велик! А...

– Убью, ...! Ты че орешь, ... мать! Я тебя щас ...,! Урою! – вопил разбуженный Любославом Толян, гоняясь за волхвом с шампуром в руке и звеня многочисленными золотыми цепями.

Под ноги бритоголовому шкафу сейчас попадаться не стоило. Мало того, что страдающий от дикого сушняка в горле, а потому злой и недовольный, так еще и не выспавшийся – Толян был опасней не кормленного неделю тигра. Будить Толяна, давно уже никто не смел, даже охранники в колонии, где он сидел. Не рисковали. Не то, что боялись, не хотели лишние травмы и переломы получать. В этом плане с Коляном проще было. Того вообще разбудить еще никто не смог, ему и сирену под ухо подносили, и водой обливали – храпит, не шевельнется. Так и сейчас, по нему Любослав с Толяном уже и потоптаться успели, а Колян спит, как ни в чем не бывало.

– Я что-то пропустил? – задал Олег риторический вопрос ничего не понимающему Всемиру.

– Не ведаю, что могло бы внушить столь великий страх Любославу... – пожал плечами Древощит.

– Вот и я не ведаю, – сознался Олег, которому было откровенно лень разбирать царящую в голове волхва кашу, а потому разобраться с ситуацией вампир предпочел более прозаичным способом. Дождавшись, пока Любослав и Толян окончательно выдохнутся, задора у обоих хватило километра на полтора кругового спринта, Олег, зевая, поднялся и стал между ними. Тяжело дышавший Толян, боевой запал которого уже выветрился вместе с похмельем, притормозил, не став налетать на своего кореша, остановился и Любослав, укрывшись за Олегом и продолжая что-то лепетать.

– Урою гада! – для порядка пригрозил Толян шампуром, отправившись в сторону машины в поисках чего-то съестного, пока Олег выяснял, что же так перепугало жреца.

– Случаешься горе, горе велико, до ся пора не происходящи подобного! Тревога велика – знак, поверташи и возвращаться надобно! – пискливо повторял Любослав с усердием заклинившей пластинки, но, под настойчивыми расспросами Олега, стушевался, наконец объяснив, что же все таки произошло.

– И всего-то? – Олег нахмурился. – И ты по таким мелочам нас всех перепугал? Любослав, вот скажи, не стыдно тебе после этого? Пожилой человек, солидный, представитель уважаемого волховского сословия, и туда же! Раздул, понимаешь, из мыши слона, были бы для этого хоть какие-то реальные основания...

– Что случилось, Олег? – спросил подошедший Всемир.

– Да ничего особенного, – отмахнулся вампир, – наш любезный волхв, как всегда, к своим богам обращался, а те ему не ответили... Такое, видите ли, никогда в его жреческой практике не встречалось, вот и перепугался, решил, что это небесный знак, что мы идем не той дорогой, и нужно срочно возвращаться назад...

– Всегда, всегда отвечаши! – чуть не плакал от обиды волхв, которого боги, как плохие взрослые дяди ребенка, обидели, внимания своего не обратили.

– Любослав, – обратился к Жаровнику Олег, – знал бы ты,

сколько жрецов и священников вообще никогда в жизни от своих богов никаких знаков не получали, и ничего, верят! А тут разик не ответили, и ты перепугался! Вот скажи, до этого они что говорили? Что мы верным путем идем? Вот видишь! Верным! А мы и сейчас туда же идем, никуда не сворачивая – так что не волнуйся, отзовутся еще твои боги, никуда они не денутся. Уж кому, как не мне, их знать...

– Это все темные земли! – с видом великого мудреца, глаголющего не менее великую истину, произнес Всемир. – Это их мороки! Недаром бежали люди из сих земель, ибо тут самые страшные страхи людские сбываются, и даже боги наши, заступники, что в тяжкую годину плече подставят, не имеют тут силы своей!

– Ну, на счет того, что в тяжкую годину боги подставят, можно и поспорить, – заметил Олег, – а на счет остального согласен. Слышал, Любослав, что тебе умный человек сказал? Место тут такое! До богов не достучаться, вот проедем темные земли – и молись своим богам, сколько душа твоя пожелает. Хоть сутки подряд, только тихо, а то Толян и так разозлился, в следующий раз, боюсь, мне уже этого богатыря не удержать...

Любослав лишь горестно закивал – несчастный, побитый жизнью и брошенный богами волхв, в котором буквально за пару дней ничего не осталось от того веселого дедка, что первым встретил героев в новом мире, понуро побрел в сторону «Вепря». По дороге собирая и складывая походный набор

идолов, оказавшимися в этих землях просто кусками долбленого дерева.

Толян, добрая душа, не стал мстить – ограничился запущенной в Любослава обглоданной утиной лапкой, да и то скорее для порядка, все равно промахнулся. А скоро и соня-Колян проснуться изволил, довольный жизнью и ведать не ведавший, что совсем недавно его использовали как барьер в беге с препятствиями. Все позавтракали, темные земли темными землями, а в сытном двухразовом питании Олег с Толяном и Коляном себе отказывать не собирались, устроились на своих местах, ну и поехали дальше. В сторону, противоположную горам и восходящему солнцу, а именно на запад.

Темные земли, унылые вечером, и утром тоже особой красотой пейзажей похвастаться не могли. Пожухлые травы, скукожившиеся листья, сморщившиеся стебли, съезжившиеся цветы, усохшая земля – вот и все разнообразие вокруг. Цвета от уныло-желтого до скорбно-серого, даже небо, без единого облачка, могли вызвать только тоску и меланхолию. Короче – просто прекрасное место для такого любителя быстрой езды, как Толян, которому наконец не надо было смотреть по сторонам в поисках преградивших дорогу деревьев, а можно было просто давить со всей силы на педаль газа и наслаждаться скоростью.

А скорость и впрямь хорошая, не даром ведь рекорды быстрой езды в пустынных местах всегда устанавливают.

Двести десять километров в час, да еще и все окна настежь открытые, «чтоб лучше скорость чувствовалась», да еще и высунувший голову из окна Колян – такое моментально любую тоску разгонит. Правда, есть одно «но», достаточно на дороге встретится небольшому кювету, канаве или бревну, и путешествие «Вепря» окончится досрочно с летальным для машины исходом. Но Олег, есть же небольшие преимущества того, что ты верховный вампир, своим внутренним чутьем чуял – ближайшую сотню-другую километров ничего подобного им не встретится, а потому, как истинный русский человек, наслаждался быстрой ездой.

– Толян, – вдруг, ни с того, ни с сего, попросил Олег, – закрой окна.

– Нафига? – не понял шкаф.

– Так надо, и выключи заодно кондиционер, – объяснил Олег, и на столь разумный аргумент Толяну не оставалось ничего, кроме как послушаться.

Ну а потом начались давно обещанные Всемиром мороки. Причем индивидуальные.

Любослав видел пса. Огромного, снежно-белого пса, с пушистой шерстью и громадными клыками. Того самого, которого Любослав, тогда еще не волхв, а маленький мальчик, принес с улицы домой, совсем еще щенком, а мать заставила выбросить его на улицу. Самое горькое воспоминание в жизни Любослава, загубленная им душа, грех, которого Жаровник до сих пор не мог себе простить. И теперь пес вырос,

стал размером с доброго теленка, и пришел за ним, за Любославом, пришел изъять его душу, и выбросить, свершив тем самым справедливую месть. Пес, уже размером не с теленка, а с огромного буйвола, смотрел в тонированные окна внедорожника, со всех сторон сразу, смотрел прямо на Любослава, глаза в глаза, скалил свою огромную пасть. Любослав знал, что пес знал, что Любослав знал, что пес знал, и так далее, что Любослава покинули боги – потому не боялся их гнева и мести, готовясь проглотить волхва. Единственное, что его останавливало – стекла богатырского железного коня. Жаровник верил, что странного коня, прибежавшего из другого мира на колесах, пьющего только брагу и хмель, не одолеть никакому врагу, и только эта вера и удерживала пса снаружи, не давала ему ворваться внутрь и начать рвать жреца на кусочки!

– Разорвяши! – ревел пес. – Рызгрыжи, съеши, проглотиши! Не сбежиши! Не сбежиши! – завывал пес, размером с целую гору. – Отомстиши! Любослава грызяши-кусаши, рвяши-еши-глотиши! Не сбежиши! Не сбежиши! – выл снежно-белый пес.

Огромный пес, одна лапа которого выше любой горы, рвался к Любославу. Волхв знал, что стоит только псу добраться до него – и он погибнет, но пока железный конь держался, не пуская страшного зверя внутрь.

Всемир видел воинов. Просто воинов, ничем не примечательных, если не считать того, что они все были мертвые,

и не просто мертвые, а убитые его, Всемира, рукой. За время всех тех походов, что совершил он сначала в княжеской дружине, а потом и сам по себе. Тут были разбойники, за которыми Всемир охотился в лесах Китежградского княжества, пираты, пировавшие на китежградских реках, мятежники, восставшие против власти китежградского князя. Злодеи, воры, насильники и убийцы, они все вернулись за ним, Всемиром. Их были десятки, сотни, тысячи, тьма тьмушая воинов, в ржавых окровавленных доспехах, она были повсюду, они смотрели на Всемира, глаза в глаза, они пришли за его душой.

— Ты такой же, как и мы! — твердили они. — Да, мы грабили, но лишь для того, чтоб прокормить наши семьи! У нас тоже были дети, они тоже хотели кушать! Да, мы насиловали, но не мы были в этом виноваты, а наши матери, от которых мы в детстве не получили тепла и любви! Да, мы убивали, но если бы мы не убивали, убили бы нас! Мы были ни в чем не виноваты, и ты не имел права за нас решать, жить нам, или умирать! У нас остались жены и дети. Когда мы не смогли заниматься разбоем — наши жены продали себя, наши дети просили подаяние! В этом виноват лишь ты, ты, Всемир, и мы пришли за тобой! Ты не уйдешь от нас, твой час пробил, выйди, Всемир, из своего железного коня, и иди с нами! Ты не сможешь убежать. Мы тебя найдем, найдем, где бы ты не спрятался — иди к нам сейчас, иди, если у тебя еще осталось хоть немного совести! Умри вместе с нами, умри как мы,

умри после нас! Всемир, ты всегда говорил себе, что ты – лишь княжеский воин, но ты понимал, ты всегда понимал, что не тебе дано было решать, кому жить, а кому умереть! Ты решал это за других, и теперь настал наш черед решить за тебя – Всемир, ты должен умереть! Умри, Всемир! Выйди из машины, Всемир, уйди с нами в царство мертвых! Всемир, ты воин, ты не трус – не бойся пойти с нами, потому что это твоя судьба, ты все равно не сможешь ее избежать!

Но Древошит не шел. Богатырь лишь крепче вцепился в меч, родной меч, который некогда был пожалован ему, тогда юнцу младому, у которого еще усы не пробились, рукой старого князя. Он понимал, что мертвые воины правы, тысячу раз правы, но знал он и то, что пока он сам не выйдет им на встречу, они будут бессильны. Одолеть защиту зачарованного коня мертвые не могли, и их страшные, но справедливые, слова оставались лишь словами.

– Я заплачу, – бормотал Всемир, – я за все заплачу! Я клянусь, что заплачу за все то зло, что я, не ведая того, причинил! Но не сейчас! Сейчас я не могу, я должен помочь моим друзьям одолеть страшного Черного Мага, закрыть врата демонам, что он готовится впустить в мой мир! Я не могу к вам прийти, я не трус, но не могу... Вы же не можете меня достать, зачарованный конь не пропустит вас! Но я за все заплачу...

Мертвые воры, насильники и убийцы тянули свои распухшие руки в сторону богатыря, но не могли его достать.

Толян с Коляном тоже видели.

– Слышь, корешь, это че, Лысый? – удивился Колян.

– Какого ...! Лысый, ... мать! А это, ..., Бык! Гля, сам Дедок пожаловал!

– И Крыш, и Крыш Заика!

– И Крыш, ... мать! – подтвердил Толян.

– Слышь, Толян, они все дохлые!

– Ты че, Колян, я тебе что, слепой? Вижу, что дохлые – сам Дедку дырок наделал! Полезли, полезли, гады! Не лежалось в могиле! Ну ничего, ... мать, я вас ща быстро успокою! будете знать,, как из могил вылезать!

– Так Колян, Бык, он того, не в могиле, он в бетоне...

– Вижу, что в бетоне! Не лежалось! Ща как миленькие у меня ляжете! Нечего тут бродить! Дохлые лежать должны, ... мать!

– В натуре, Толян! Давай их валить, ружбайкой... – Колян нежно погладил свою любимую трехлинейку.

– Ты че, тупой? Кто так дохлых валит? Нефиг пули переводить, ...! Я их так...

– Круто, Толян! Дави их, дави!

И Толян начал их давить! Лысого, крестного отца половины Верховной Рады. Быка, его первую шестерку. Дедка, перед которым сицилийцы преклонялись. Ну и, конечно, Крыша Заику, перед ним в свое время менты на зоне раком ходили.

– Дави, Толян! Дедка дави! Уйдет ведь, уйдет!

– Не уйдет! От меня не уйдет! Тогда не ушел, и сейчас не уйдет!

– Толян, слышь, Бык бежит – не догоним!

– Догоним! Ща Дедка задавим, и Быка догоним! – машину тряхнуло.

– Эх, как ты его! Круто, Толян!

– Ща у меня эти задохлики побегают... При жизни не набегались – так ща побегают! Никому мало не покажется!

Мало никому не показалось. Мертвецы, пришедшие пугать, грозить страшной мстью, вызывать моральные терзания и тянуть за собой на тот свет, разбегались кто куда, но разве убежишь от «Вепря», за рулем которого сидит вошедший в азарт Толян? Особенно когда вокруг ни одного деревца нет, за которым спрятаться можно – тут будь ты хоть трижды призраком, а испугаешься. Бедные, перепуганные морочки метались, молили о пощаде, но их мольбы не могли смилостивить Толяна. «Дохлая должна лежать в могиле», – свято верил он, и не собирался позволять кому-то разгуливать по земле, красуясь продырявленной головой.

– Тогда не добил – ща добыю, не уйдешь, от меня еще никто не уходил... – все твердил себе бритоголовый.

– Так его, Толян, так его! – поддерживал друга Колян. – Слышь, Лысый поднимается!

– У меня не поднимется! – успокоил кореша Толян.

А пока Толян с Коляном давили несуществующих призраков, Любослав завывал от страха а Всемир бурчал что-то

себе под нос, Олег думал о вещах более реальных.

— Какая гадость! — бормотал Олег. — Черная магия, черная магия... Визуально-тактильный галлюциноген, а никакая не черная магия! Вот уж действительно, таким надышишься — не только со своими собственными фантазиями заговоришь. Хорошо хоть у кого-то в этой компании нормальное обоняние, у остальных, похоже, вообще хронический насморк по жизни. Нет, ну это ж надо додуматься — меня, Олега, жалким галлюциногеном одолеть, чтоб я надышался всякой гадости и сам свое сердце остановить заставил... Горыныч-Горыныч, совсем ты низко пал... Опустился, змий, а ведь когда-то даже один на один сразиться не брезговал, причем человеческую форму принимал, чтоб честно было... Хорошо же тебя жизнь побила. Жаль, что не добила. Ну да не волнуйся, я добую. Травить меня местной химией... Как будто я какой-то абориген, не способный галлюцинации от реальности отличить... Эх, Горыныч, отстал ты от жизни, не знаешь, до чего системы кондиционирования в современных машинах дошли, а уж, прости покорно, визуальный эффект галлюциногена, без непосредственного контакта с кожаным покровом, даже такого хилака, как Любослав, одолеть не способен... Да идите вы!

Последнее относилось уже к собственным галлюцинациям Олега — и те, понурые люди и хмурая нелюдь, послушно развернулись и пошли прочь. Уж чем, а собственными глюками верховный вампир хорошо умел командовать. Набрал-

ся опыта за долгие годы жизни.

А дракон тем временем лютовал. Треглавое чудовище, покрытое броней, извергало пламя, огромный, усыпанный острыми шипами хвост, бился о стены темного замка. В страхе забились в щели местные обитатели, не угодившие чем-то проснувшемуся владыке; братья меньшие дракона, неразумные змии, кружились в небесах, ожидая приказа своего хозяина, готовые броситься и разорвать любого врага.

Наконец дракон смог успокоиться. С трудом сдерживая себя, он преобразился, и вот посреди замкового двора уже не страшный крылатый монстр, а огромный человек с тремя головами, каждую из которых венчает полный шлем с ветвистыми рогами. Закованный в пластичные доспехи, дракон даже в своем человеческом обликии был грозен, ибо никогда не было в этом мире воина, равного ему по силам.

– Хар гхаракхара картараг! – ревел он. – Дракха! Кардара хра бракрата! Кардахара хар гардарахара!

(что в переводе на русский значит примерно следующее – «Вы ничтожные рабы, предатели, ошибка ваша непростительна, так смойте же ее собственной кровью»)

– Хар тарар хар гардарахара! Хар тарар хар гардарахара! – раздалось одновременно со всех сторон.

(«Мы заплатим собственной кровью, мы заплатим собственной кровью»)

– Шаргар! Хар шаргар дагранаха! Пархара кар артарх рак кархрат! – грозный рокот дракона гремел над замком.

(«Прочь, вы прочь убирайтесь, принесите мне победу⁸ (любой ценой) или умрите»)

– Хар пархара артарх! Хар пархара артарх! – отвечали ему местные обитатели, оборачиваясь в смутные размытые тени и улетаая прочь.

(«Мы принесем победу (любой ценой), мы принесем победу (любой ценой)»)

Дракон умел улавливать чужую смерть на большом расстоянии, и потому знал – первое оружие его слуг, самое страшное, как они заверяли, против которого устоит лишь святой, коих, как известно, не бывает, не смогло навредить вампиру, или же кому-то из его спутников. Потому-то дракон так и нервничал, хоть его запас верных слуг и велик, далеко не ограничен одним лишь темным замком, но не бесконечен. И если вампир и дальше с той же легкостью будет преодолевать выставляемые на его пути преграды, то может дойти до того, что дракону придется лично сойтись с ним в бою, чего, по здравому размышлению, крылатому змию не очень хотелось.

– А придется, – мысленно ответил Горынычу Олег.

Нет, мысли змия вампир читать не мог, все же они были слишком далеки друг от друга. Но уловить общее настроение, уловить, что Горыныч сам панически Олега боится, зато не прочь подготовить ему еще парочку ловушек, мог. Эмана-

⁸ В драконьем языке, в отличие от русского, существовали два слова: артарх – победа (любой ценой) и хратар – победа (если ее цена не будет слишком высока)

ции столь великой в мировом масштабе силы, как последний разумный дракон (его мелкие сородичи, из чешуи которых была сделана кольчуга Всемира, не считаются), разносятся далеко над миром.

А «Вепрь» тем временем вылетел из облака зрительного галлюциногена – уникального химического соединения, которое могло вызвать морок без прямого нервного контакта, воздействовав на расстоянии через глазной нерв. У Любо-слава отлегло от сердца, белый пес так и не смог пролезть в машину, и остался где-то там, позади. Всемир облегченно вздохнул, мертвые остались позади, так и не сумев выманить его в свои объятия. Толян с Коляном тоже вздохнули, но горько:

– Ушел, ...! – прокомментировал Толян.

– Ушел, – согласился с ним Колян, – Лысый вообще всегда уходил. На то он и Лысый! Ну да ничего, слышь, Толян, когда назад будем ехать, надо поискать будет, а то че эти дохляки разгуливают, как будто живые?

– Шнифтами не надо было кнацать⁹, дубина! – беззлобно упрекнул друга Толян, – Ну да ничего, поищем! – заверил он. – Найдем! От Толяна еще никто не уходил, и Лысый не уйдет!

– Слышь, Олег, а ты не видел, куда он делся? Остальных мы вроде того, конкретно подавили, а Лысый, тихарь захар-

⁹ Шнифты – глаза, кнацать – моргать, более литературный аналог фразы – «это ты его проморгал!»

чеванный, винта нарезал¹⁰

¹⁰ Тихарь – доносчик, стукач, тут – засланный органами правопорядка «крот»; захарчеванный – выдающий себя не за того, кто есть на самом деле, играющий чужую роль; винт нарезать – бежать, уйти, смыться, смотаться, скрыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.